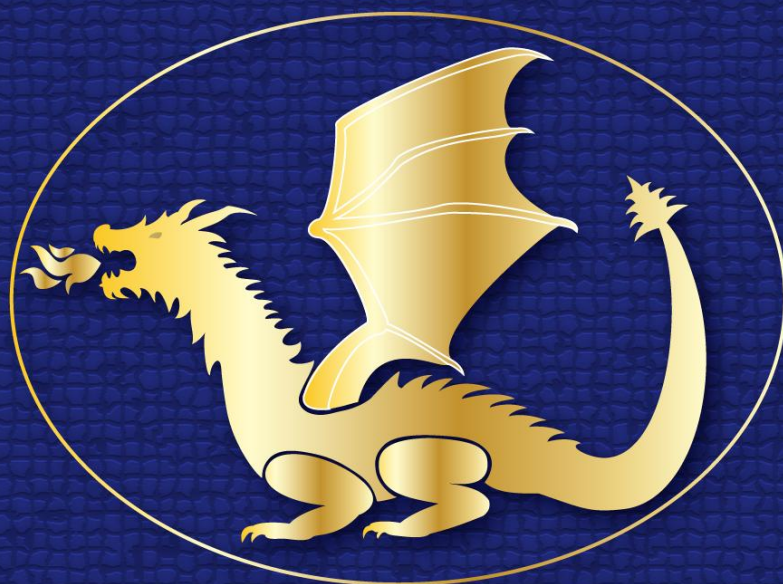

Хроника Элетарии

Капитан Её Светлости

Роберт Каусс

Памяти солдат Первой мировой войны

Роберт Каусс

Капитан Её Светлости

Хроника Элетарии

Rīga 2026

Хроника Элетарии «Капитан Её Светлости»

Автор: Роберт Каусс

Редактор: Роберт Каусс

Обложка: Елизавета Власенко

Во время исполнения воинских обязанностей и долга бывший гвардеец сталкивается с испытанием его души. Ему предстоит показать, что офицер – не просто звание, а слово с большой буквы, к которому привязаны: честь, мужественность и разумность. Однако в условиях ужасной войны – так ли легко принять правильное решение?

ISBN: 978-9934-9376-3-7

© Roberts Kaščejevs

Все права защищены. Любое копирование данной книги, как и любой её части – запрещены. Запрещено воспроизведение любой части книги, как и самой книги без письменного разрешения обладателя авторских прав.

E-mail: roberts.kauss.ele@gmail.com

Instagram: [Roberts_Kauss](#)

Telegram: [Roberts_Kauss](#)

18+

Предисловие

«Капитан Её Светлости» – это так называемый спин-офф к моей первой книге «Избранная Сапфиром». Этот роман, как это не типично в литературе, освящает тяготы и радости человеческих судеб. В основном тексте персонажи сталкиваются с множеством испытаний и обретают счастье. Но ведь они не единственные, верно?

Десятки, а то и сотни миллионов человек переживали тяготы войны на континенте. Рассказывать об этой катастрофе и как она отразилась на человечестве – можно очень и очень долго. Этот феномен Первой мировой войны имеет очень значимый вес в истории не только мира, но и развития человеческого мировоззрения.

Осветить судьбы разных слоев общества, отдельных личностей или представителей конкретных профессий и так далее, невозможно, даже если сильно захочется. В этом спин-оффе речь пойдет про одну из миллионов судеб.

Как жили потомки Гралла и их приближенные – мы знаем. Частично через судьбу Аксена была представлена бытность военных. Но мне захотелось чуть больше уделить внимания окопам, тяжелейшему бременю. В «Капитане Её Светлости» главным героем станет бывший офицер королевской гвардии, что весьма предсказуемо следует из названия.

События рассказа происходят буквально на следующий день после остановки контрнаступления элетарской армии во время второго месяца зимы. То есть часть вторая двадцать восьмая глава. Изначальный успех маршала Бруса прервался чередой неприятностей, связанных с королевской семьей и восстанием в столице.

Я бы с радостью поделился задумкой и сюжетом грядущего, однако, лучше, чтобы вы сами сделали выводы, необязательно даже осознавать мою идею; главное прочувствовать атмосферу, те эмоции и чувства, которые охватят героя и его окружение.

Важно помнить о человечности, о чести и долге. Без этого мир окончательно погибнет, и не только без этих качеств. «Капитан Её Светлости» как раз о том, что даже в кошмаре посреди катастрофы человек может оставаться человеком. Поскольку спин-офф сам по себе короткое произведение, долго расписывать предисловие не буду.

Приятного чтения!

Пролог

Из воспоминаний элетарского офицера о начале войны с Дарлеоном.

«Сперва это известие казалось вздором – все всегда думали: у львов не хватит смелости бросить вызов нам еще раз. Но по серьезным лицам господ генералов и маршалов стало понятно: началась война.

Нас охватило ликование, затем мы стали открывать шампанское, словно был праздник. И наконец всех просто захлестнуло патриотическое рвение. Мы, будучи гвардейцами – образованными молодыми людьми, знали, что силу элетарского оружия никому не превозмочь. С нами был наш Король – великий и могучий дракон.

Все уже мечтали о том, как однажды станут героями романов и других литературных трудов, подобно нашим далеким предкам, сокрушившим Империю Дарлеон при Граллемине. Мы с нетерпением ждали красивых парадов, сентиментальных дамских взглядов, наград не только за отвагу, но и за быструю победу, с рук самого Его Величества.

Один из моих товарищей даже предложил не спешить на войну, чтобы враг побольше продвинулся, и мы смогли бы возложить на свои плечи больше воинской славы.

Все поголовно были уверены – два месяца, и мы будем фотографироваться на площадях в Лёвенберге, обнимая тамошних дам, которые сойдут с ума от нашего могущества и великолепия. Подобный оптимизм охватил и королевскую семью. Все желали получить благословение Принцессы Гралитты, ведь, если бы и пришлось погибнуть, то только для нее.

Мы с товарищами начали фантазировать: как будем вступать в сдавшиеся дарлеоновские города. Это были даже не мечтания, все свято были убеждены, что это случится, поэтому стоило заготовить парочку острых фраз, которые мы могли бы бросить поверженным пленникам.

Сомнений не было. Дух скорой победы уже охватил нас, и даже дьяволы и дьяволицы были не в силах сломить этого. Война стала для нас подарком судьбы для достижения высот и обустройства жизни счастьем и безбедностью».

Глава 1

Пятая элетарская рота приближалась к недавно оставленной дарлеоновской деревушке. На карте она была подписана как Мейбаум; но говорили будто бы название сменили, после недавнего возвращения в состав империи.

Пятая рота входила в сорок девятый пехотный полк из четырнадцатой Граллстернской дивизии. Командующий ротой – капитан Лагáр, вывел своих людей точно к Мейбауму и остановил продвижение. Офицер поднял руку и стал осматриваться.

Его серые глаза внимательно изучали окружение, иногда отвлекаясь на пар, исходящий изо рта от отдышки. Красные от мороза щеки горели, вызывая слезинки офицерских глаз. Тускло-голубая фуражка, увенчанная в кокарде железным, окрашенным в золото, драконом, сидела ровно, как у караульного.

Лагар стер текущие из носа сопли шершавым рукавом своей серо-синей шинели и шмыгнул. Капитан сильно выделялся среди своих солдат – осанка его была прямой, гордой и строевой, сразу виднелся гвардеец на фоне обычных мужичков, набранных приоритетно в деревушках и пригородах. Офицерская шинель сильно урезала мужественность крепкого тела тридцатипятилетнего элетарца.

– Чего дальше, господин капитан? – спросил лет шестидесяти усатый и седой солдат.

– Будем входить в деревню. – Волевым голосом, но самую малость сиплым, распорядился офицер. Затем весело добавил: – Боишься, Прохус, или опять твоя «чуйка» сработала? – последним словом капитан в смехе поперхнулся.

Солдат не смеялся, он был из крестьян, поэтому относился ко многим вещам весьма суеверно. И была у него некая «чуйка» – что-то похожее на предсказательную интуицию.

– Как бы не так, господин капитан. – Напряженно ответил Прохус.

– Будьте внимательны, братцы! – Распорядился капитан, снова шмыгнул и вытер нос. – Заходим не спешно.

Солдаты взяли винтовки на изготовку и медленно поплелись за командиром, достаящим из кобуры револьвер. Под ногами десятков солдат снег недовольно хрустел. Поле и сосновый лесок вокруг деревни хмуро отражали серость небес. Агрессивный мороз щипал и кусал усталые лица наступающих пехотинцев.

Вдруг послышался недалекий грохот артиллерии.

– Ложись! – заорал Лагар.

Рота упала, прикрывая головы руками. Через несколько секунд снаряды беспощадно стали падать точно по деревне. Элетарцы находились на достаточном расстоянии, чтобы било по ним, а не по домам. Быстро стало понятно, что это не ошибка наводчиков, а целенаправленный обстрел собственной деревни.

– Не по нам лупят. – Отметил лейтенант Дерагор – ближайший сподвижник капитана Лагара. Ему было тридцать два года, но выглядел моложе из-за гусарских светлых усиков, идеально сочетающихся с голубыми глазами.

– Сволочи! – Обозленно зарычал Прохус.

– Не бурчи, Прохус. – Отозвался поднимающийся Лагар. – Когда победим, непременно предадим суду этих преступников.

– Да разве можно так с людьми?! Ладно мы! Так эти ни чем невиноваты! – с яростным сочувствием к жителям Мейбаума сказал еще один солдат.

– Их командующий велел оставлять при отступлении за собой выжженную землю, они свалят это на нас потом. – Сообщил Дерагор.

– Довольно разговоров, – прервал капитан. – Там страдают люди, надо их спасти! – Лагар звучал столь уверенно, что отказать ему было немислимо.

Среди элетрацев споров не возникло. Некоторым не очень хотелось бежать прямо под снаряды, когда они впервые летят не в тебя; однако все понимали: нельзя бросать невинных на такой произвол. Грохот взрывов бил по ушам, но месяцы боев сформировали иммунитет к этим убийственным звукам. Запах гари и пороха был привычнее вони навоза. Когда снаряд, или даже два, угодили прямоком в дом, который разлетелся в щепки, элетарцы, возглавляемые своим капитаном, ринулись на подмогу несчастным жителям Мейбаума.

Едва воины дракона добежали до ближайших построек, как обстрел прекратился. Из горящих и частично разрушенных домов стали выбегать одетые не для зимы люди. Женщины горькими криками звали на помощь, старики умоляюще шипели. Дети рыдали громче корабельных гудков. Элетарцы ворвались в деревню. Многие жители горестно хватались за прибывших военных, умоляя о спасении.

Происходящее было ужасающим, солдаты Великой войны повидали такое и даже хуже не раз, но никак не могли привыкнуть к этому. Каждый раз был кошмарным, и только палач или душевнобольной маньяк могли игнорировать чужое горе. Но куда страшнее было осознание: таких случаев было сотни по всему фронту.

Крики, вопли, треск горящего дерева, мольбы, стенания – все это вызывало холодный пот на стальном морозе. Нечеловеческая доля пала на обычных солдат.

Рота быстро стала помогать жителям. Лагар резвым кивком призвал за собой Прохуса к одной из пострадавших изб. В ней из трубы шел дым, значит до обстрела там кто-то был; однако никто так и не выбежал.

Солдат и офицер забежали в дом, в котором воняло взрывной сажей. Она сурово проникала в ноздри и горьким режущим ощущением охватывала все внутри.

– Господин капитан! – крикнул Прохус, указывая на девушку на полу.

Она лежала прямо рядом с уцелевшим краем дома. Она дергалась в припадке, держась за живот, который был вспорот осколками, вокруг уже была лужа крови. Лагар подбежал к пострадавшей, упал на колени, схватив с ближайшего стола полотенце. Он приложил его к животу и надавил, стараясь остановить кровь.

– Прохус! Санитара! Живо! – сдерживая панику, велел офицер.

Солдат агакнул и поспешил прочь.

– Так! Так! Держись, голубушка! Слышишь?! – капитан поднял свою голову над умирающим взглядом несчастной. – Эй! Эй! Я рядом, все будет хорошо, ты только держись! Держись! – Голос задрожал. Лагар видел: она медленно уходила – ее было не спасти. Но он не сдавался и боролся, удерживая полотенце на смертельной ране.

Вдруг девушка еле слышно, последним издыханием, пробормотала, указывая глазами куда-то к ближайшей двери:

– Там сыночек мой... помоги ему... – глаза застыли; голова упала на бок и замерла. Девушка словно не сдавалась, ожидая хоть кого-то.

– Стой! Нет! – вопил офицер.

Он начал давать сильные пощечины остывающему телу, пытаясь привести девушку в сознание.

– Ну давай же! – бился капитан.

В этот момент подоспел санитар. Лагар тут же уступил место и, не теряя ни минуты, поспешил к двери, на которую указала умирающая. Капитан отворил дверь со стонущим скрипом и огляделся. Слева, под иконами дарлеоновского Бога, в угол забился мальчик лет пяти. Он трясся, но непонятно от чего: страха или же холода. Карие глаза недоверчивой опаской посмотрели на офицера. Лагар тихонько пошел в сторону мальчика, постепенно наклоняясь, и насколько мог ласково наговаривал:

– Не бойся меня, мальчик. Я хочу помочь. – Капитан опустился на колени перед маленьким дарлеоновцем. – Меня прислала твоя мама. – Протягивая руку, сообщил Лагар. Он понял: мальчик теперь сирота.

Капитан сам потерял семью во время блокады Нового Сапфиритуса – мать, отца и двух младших сестер. Поэтому он мог вообразить степень потери мальчика.

– Де мама? – неуверенно прохрипел мальчик, вжавшись еще больше в угол.

– Мама?! – растерялся капитан. Ему не хватало никаких сил сказать правду – горькую правду невинному и бедному мальчику. Офицер решил врать, он просто не мог сделать иного выбора. – Она поранилась и сейчас ей помогает доктор. Она просила пока меня за тобой приглядеть. Пойдем со мной! – Лагар дружелюбно приблизился к мальчику и улыбнулся.

Маленький дарлеоновец почему-то доверился и взялся за руку незнакомца. Последний напялил на сироту какую-то, на первый взгляд, зимнюю одежду, поднял на руки так, чтобы, выходя, глаза мальчика не увидели лежащей на полу матери.

– Вот так... отличненько... пойдём... – сдерживая ужас, проговорил офицер.

Он, держа на руках ребенка, вышел обратно и посмотрел на санитаря. Тот неутешительно помотал головой и опустил глаза, снимая фуражку. Лицо Лагара налилось скорбью, словно он знал эту девушку много лет. «А ведь сколько таких как он... А за что?» – про себя подумал Лагар, адресуя упрек богам и богиням. Капитан проронил слезу и вышел из избы.

– Де мама? – повторился мальчик, видя, что кругом происходила какая-то нерадостная шумиха.

– Доктор ее полечит и скоро отпустит. Она придет за тобой. А пока я побуду с тобой! – этим словам удивился сам Лагар. Он понял: какое нелегкое бремя к его тяжкому долгу взвалила судьба.

Пусть мелкими блесками проскакивали помыслы: оставить мальчика на попечение кого-то другого или вовсе его бросить; но уцелевшие в войне отголоски совести принудили Лагара принять непростое решение. Элетарский офицер решил позаботиться о мальчике.

– Кто Ваш спутник, господин капитан? – выжимая из себя радость и веселье, чтобы не огорчать бедолагу, буквально пропел подошедший Прохус.

– Да вот... его маму немного поранило, она просила меня пока приглядеть за ним. – Старался говорить обычно капитан. Если мальчик ничего не понял, то Прохусу все стало ясно. – Кстати, как тебя зовут, мальчик? – опустив на землю, спросил капитан.

– Пой.

– Как?

– Пойй

– Пой?! – удивился капитан.

– По...л...ль...

– А-а-ааа, его зовут Поль. – Заметил Прохус.

– Рад знакомству! Я – капитан Лагар! – офицер протянул руку мальчику.

Тот весьма воспитанно пожал ее в ответ; краешки его потрескавшихся губок даже самую малость двинулись к улыбке.

– Не переживай Поль! – опустился к дарлеоновцу Прохус, положив ему руку на плечо. – Наш господин капитан хороший человек. Он тебя в беде не оставит. – Солдат вынул карамельку из подсумка и протянул мальчику.

Он охотно принял сладость, сразу пихнув себе в рот.

– Так ты голоден! – сделал вывод, видя голодную волчью жадность, капитан. – Пойдем, накормим тебя.

– Как же так, господин капитан? – краем уха услышав разговор, подошел лейтенант Дерагор. – А как же наступление?

– Мой приказ таков: вернуться на изначальные позиции и перегруппироваться. Мотивирую это тем, что противник укрепился на артиллерийских позициях. Прошедший обстрел стал препятствием для продвижения.

– Я распоряжусь. – Проглотив недовольство от глупости командующего, Дерагор отдал честь и ушел.

Вскоре рота вернулась на позиции, где недавно вся дивизия окопалась. Траншеи по своим меркам были уродливы. Копать замерзшую землю было практически невозможно, но в полном отчаянии элетарцы это сделали. Цельные куски и кусочки земли и разбросанные кучки снега делали позиции уродливее.

Кругом воняло потом, иногда ветер приносил другие запахи, например, супа из полевой кухни. Пятая рота расходилась по разным местам, кто куда. Настроение в

войсках было, мягко говоря, подавленное. Трагедия в Мейбауме не позволяла радоваться. Только Прохус и Лагар притворялись, что все нормально, чтобы маленький Поль не впал в меланхолию.

В сопровождении хрустов снега капитан вел мальчика за руку к полевой кухне. Солдатские взоры сперва наполнялись удивлением, что офицер привел на передовые позиции мальчишку; лишь спустя несколько морганий на лицах большинства рисовалось осознание – почему командир привел мальчишку сюда. Солдатские взоры угрюмо провожали капитана и осиротевшего дарлеоновца. А погода по-прежнему хмурилась в унисон людским бедам.

По мере приближения к полевой кухне аромат супа усиливался, а остальные противные запахи сдавались пред нотками бульона, за который на таком морозе и в условиях голода можно было убить.

Лагар привел Поля к повозке с двумя огромными голубовато-серым котлами с изображением дракона. Из небольших трубок шел темный дымок. В один котел повар сыпал соль, затем стал очень ласково, действительно вкладывая душу в свой труд, мешать суп в котле. Поваром был толстоватый, не высокий солдат с Центральных гор. Его характерные для горцев черные глаза были добрее любых других, над ними сводились густые брови, а нос щекотали пожелтевшие темно-серые усы. Имя его было, как у всех горцев, длинным и непроизносимым, поэтому звали его Йув; многие сослуживцы уважительно и весело кликали его Йувич.

– Что за юный боец с Вами, господин капитан? – обратив внимание на пришедших, обернулся повар и подмигнул мальчику.

– Здравова, Йувич! Вот мама его просила меня приглядеть за ним, – офицер нарочно вздохнул, давая понять ситуацию. – Надобно накормить его и отогреть!

– Пока такой кулинарный талант не забрали в королевский дворец! – подшутил Прохус, улыбаясь.

– Да брось, Проха, – гоготнул Йувич, – пуцай жрут обычную еду. Моя вкуснятина нужнее тут!

Поль даже самую малость улыбнулся забавности толстячка.

– Поди-ка сюда, мальчик. – Йувич протянул руку Полю, приглашая к котлу. – Погрейся, пока супчик доваривается.

Поль посмотрел на своего опекуна; тот одобрительно кивнул, затем снова утер нос рукавом.

Вскоре суп был готов. Картофель с луком, морковкой в курином бульоне были настоящим праздником для воинов дракона, прозябающих на морозе в заснеженных и заледенелых окопах. Лагар, Прохус и Поль уселись обедать за импровизированный стол из пустых деревянных ящиков от снарядов; пока другие солдаты шумно толпились в очередь к котлам Йувича.

Мальчик набросился на суп, как изморенный пес на цепи; детские зубки жадно шкрябали по потемневшей от налета оловянной ложке.

– Выжженная земля... своя земля... о чем они там все думают... – разочаровано подчеркнул Прохус, с сожалением глядя на несчастного Поля, для которого эта трапеза было подарком Бога.

Лагар промолчал. Он понимал к какой несправедливости собрался клонить солдат. Мол они тут все на морозе едва уживаются, пока знать и власть в теплых квартирах и дворцах пирует и наслаждается. Капитан когда-то был гвардейцем, он служил в «Сапфировой Страже» – личной гвардии Короля Гальдора. С началом войны покинул элиту армии, чтобы попасть на фронт, ведь мечтал, как многие другие мужчины из Элетара – завоевать внимание младшей сестры монарха – несравненной Гралитты. Только медали и награды могли поспособствовать этому. Сам Лагар был дворянином и первое время с трудом делил быт с обычными солдатами, предпочитая отдельную землянку. Но быстро пересмотрел свои взгляды и стал един с вверенными ему пехотинцами; они все стали братьями, а их офицер был старшим братом, укрывающим за своей спиной.

– Мы это проходили, Прохус. – Сухо отрезал Лагар, не поднимая головы, лишь задрал глаза к рядовому, помешивая своей серебряной ложкой суп.

– Виноват, господин капитан. – Обиженно унялся солдат.

Некоторое время между ними царил напряженная тишина. Но этот разлад ничего не значил; ведь во всей роте почтительно существовала воинская дружба, в которой происхождение и родословная не решали.

– Вкусно? – подошел веселый Йувич.

От одного его присутствия становилось радостно. Невольно Лагар и Прохус ободрились. А Поль, глядя на повара, довольно покивал и хмыкнул.

– Вот держи. Единственный кусок, об который можно не ломать зубы. – Йувич протянул мальчику кусок ржаного хлеба, который каким-то чудом не замерз, как все запасы.

– Спасибо, ты очень много для него делаешь. – Поблагодарил офицер, поскольку Поль благодарить не мог, он безумно вцепился в хлеб. Жалость к мальчику только росла.

– Да бросьте, господин капитан. – Скромничал Йувич. – Я пока схожу-ка за добавкой. – Повар забрал вылизанную дочиста миску Поля.

– Но ведь не положено... – заметил подошедший Дерагор, который никак не унимался, считая мальчика помехой в исполнении воинского долга. Зеленые глаза блондина недоверчиво посмотрели на поедающего хлеб дарлеоновца.

Лагар кинул свой презрительный взгляд подчиненному. Словно сокол и тигр встретились, решая: кто сильнее.

– Для солдат и даже господ офицеров по норме одна порция! Так что вам не положено! Он тут особый гость, не солдат вовсе и тем боле не офицер! – Посмеялся Йувич, погладил Поля и ушел с миской, как ни в чем не бывало. Он буквально показал лейтенанту, что он на кухне пустое место.

– Ну да, Йувич на своей кухне даже Короля к падшим пошлет! – заметил Прохус.

Сидящие рядом солдаты, наблюдавшие за перепалкой Дерагора и повара, подтвердительно загоготали. Лейтенант возмущенно скорчил гримасу и ушел побежденным. Когда Поль доел хлеб, он обернулся к капитану и спросил:

– А мама тозе поест? – мальчик глядел такими простыми глазами. В них не было чего-то, что привык видеть в других Лагар. Милый, наивный, не гневный, не лживый взор простого мальчика, который еще не видал кошмара и просто ждал маму.

Офицера кольнуло в сердце. «Как тут врать? А как сказать правду?!»

– Я думаю мама уже поела, ведь доктора кормят своих пациентов, верно? – выкручивался Прохус, когда заметил тупик командира.

Последний одобрительно кивнул. Поль сгорбился, сложил руки на ящик и положил в ладони головушку. Он стал мычать какую-то песенку себе под нос, похоже было на колыбельную. В этот момент Йувич принес еще целую порцию супа. Ребенок обрадовался, даже подпрыгнул с места и накинулся на полную миску, с которой веяло наваристым ароматом сытости и тепла. Лагар только улыбнулся, затем переглянулся с Прохусом, осознавая возложенное на себя бремя.

На окопы уже давно спустилась темнота. Поздний вечер еще сильнее морозил, даже было слышно треск замерзающих кусков земли. Лица были искусаны зимой в самом своем суровом проявлении. Снег тяготил, заставляя забыть всякие детские забавы на саночках или лепки снеговика. Часовые мерзли на свои постах. Остальные подразделения пытались хоть немного насладиться долгожданным отбоем. После нескольких недель интенсивного наступления явилось долгожданное затишье.

С одной стороны, настроение должны было быть неплохим: наступление успешное, победа становится ближе. Однако цена за все это рушила всякие положительные мысли. Люди переживали совершенно нечеловеческое.

Лагар сидел на наспех сколоченной скамейке из нескольких досок. Позиции создавались недавно, землянку офицерам еще не успели выкопать, поэтому многие ушли расквартироваться в ближайший городок, но только не Лагар. Он был со своей ротой, посему мерз вместе с ними в ночном окопе. Рядом, укутанный в несколько одеял, с едва торчащим личиком, прильнул Поль. Он вплотную прижался к левой стороне офицера, который до сих пор дивился повороту судьбы и не знал, что с ним делать.

– Расскажес сказку? – спросил Поль.

– Сказку? – переспросил капитан и повернул голову к ребенку. Приподняв фуражку, почесал лоб.

Мальчик просящими глазками покивал. Капитан не знал сказок, он вообще не думал, что окажется в положении, как в тот момент. Офицер пытался вспомнить, что рассказывали ему родители, когда он был ребенком. Но вместо этого в душе просыпалась скорбящая боль, что он в этом смертном мире больше их не встретит.

– Ну... в общем... как-то раз... – начал что-то выдумывать на ходу офицер. Поперхнулся в кулак в кожаной перчатке и попытался. – Жил великий и могучий воин, э-э-э и его полюбила... кхм... драконья Принцесса.

Поль резко закрыл лицо руками и со страхом произнес:

– Дракон? Они же страшные и большие!

– Ох, нет, что ты! – Капитан с теплом и радостью вспомнил свои лучшие годы службы в «Сапфировой Страже». – Я лично знаю нескольких. Они очень добрые, большие – это правда, но не страшные. Одна из них даже красивая... очень.

Лагар мечтательно посмотрел в небо, увенчанное сотнями мерцающих звезд. Испуская пар изо рта, капитан глядел сквозь него вверх. Он вспомнил, что было десять лет назад. Ему было двадцать пять, и он угодил в сети соблазна семнадцатилетней Принцессы Гралитты. Она была так горяча; она была жаждущей до впечатлений; она была соблазнительнее богини красоты; она так желала прочувствовать новые ощущения.

Лагар, сидевший в замороженном окопе среди заледенелой грязи, широко и слезно улыбнулся, в носу его взвинтилось воспоминание о том вкуснейшем парфюме на драконорожденной. Но тут сладкие мечтательные воспоминания прервал мальчик, дергая за рукав:

– И сто дальше?

– Ах да... так вот... – очнулся офицер, помотав головой. – Так вот великий воин понравился красивой драконьей Принцессе... э-эээ... они встречались всегда на закате и прощались на рассвете. Ну... и... кхм... занимались они всякими разными вещами, которые их сближали, чтобы делать добро для... для... кхм... всего королевства...

Вдруг офицер услышал под своим ухом легкое сопение. Мальчик утомился за такой нелегкий день и спокойно уснул, даже не успев спросить про маму, хотя хотел. Лагар умиленно улыбнулся, поправил одеяло на лице ребенка, чтобы закрывало как можно больше. В моменте он понял, что весь день забыл покурить.

Капитан с шорохом вынул папироску и коробок спичек из правого кармана шинели. Посмотрел на папиросу, дунул в нее, затем сунул в рот, с шипением зажег спичку и прикурил. Облегчающее чувство потекло по венам мгновенно. На секунду все показалось не таким уж ужасным. Капитан кинул в снег горящую спичку; она всхлипнула в холоде и угасла. Лагар расселся, раздвинув ноги и наклонившись вперед, уперев локти в колени. Элетарец тянул папиросу. Она едва слышно тлеюще выгорала. Звук подгорающего табака тоже имел свою особенность успокаивания. Дым медленно уходил к небу, но не рассеивался так быстро.

Лагар вновь мечтательно посмотрел в звездное небо, спускающее железный холод на весь окоп. Офицер вернулся в свои воспоминания, когда сам был молод и горяч, жаждал поддаться тому соблазну. Отказать молодой Гралитте тогда было то же самое, что отказать легким в желании дышать. Сделав очередную затяжку, Лагар увидел перед собой не небо, а обнаженное тело Принцессы, зазывающей насладиться ею. Те сверкающие синие волосы будоражили так сильно, что невозможно было сдержаться грубой силы при объятии.

«Хах... дурак!» – вдруг сказал себе Лагар. Он вспоминал, что был лишь игрушкой для разнообразия в тот момент, а ведь сам так и клялся в любви, даже собираясь звать

Принцессу замуж. После нескольких глубоких затяжек Лагар сильно задумался, пока догорающая папироска не стала жечь сквозь перчатку. «Ай, тварь», – ляпнул капитан, дергая рукой, отбрасывая мелкий остаток папиросы.

Затем капитан зажег вторую папиросу, не насытившись первой. Офицер оглянулся налево и направо, сразу было видно, кто не спал, ведь в дремлющей темноте тоже было видно огоньки горящих табачных самокруток. Лагар решил оставить эти воспоминания, ведь они не грели, а печалили еще больше. «Эх... Поль... Поль, что мне теперь с тобой делать?» – обернулся на спящего мальчика офицер и обратил взор в землю.

Вскоре он докурил и откинул остаток к спичке. «Правильно ли я поступаю? – задался вопросом касаясь своей лжи о маме. – Будет день, будет пища. Посмотрим... посмотрим». Лагар сложил руки на груди, облокотился спиной к стене, еще раз взглянул в небо, шмыгнув носом и закрыл глаза, рассчитывая хоть немного покемарить.

Глава 2

Утро следующего дня не могло не радовать. На часах уже было девять, а солнце только лениво начало подниматься, наполняя немногочисленные облачка розоватостью. Поль и Лагар вместе с Прохусом стояли в очереди к котлам полевой кухни.

– Тот похоз на курицу! – мальчик тыкал пальцем в небо, указывая на облако, действительно напоминающее курицу.

– Да. А вон то похоже на блин. – Не найдя других с чем-то схожих облаков, попытался играть в эту игру капитан. Он приспустился, одной рукой взял Поля за спинку и повернул в сторону, куда указывал другой рукой.

Мальчик хлопнул пару раз в ладоши и засветился радостью.

– А когда мама придет, она сделает мне блин?

– Конечно. И Йувич поможет ей в этом. – Тяжко отметил офицер.

Наконец очередь подошла к котлам. Повар весело поздоровался, разлил поварешкой кашу по мискам и пообещал подойти, когда всем раздаст порции. Лагар, Поль и Прохус уселись на то же место, что в прошлый раз. Мальчик странно ел кашу, он чуточку морщился, видимо, не любил кашу, но при этом поедал за обе щеки, то ли от вкуса, то ли от голода.

– Поль, ты любишь лепить снеговика? – спросил Прохус.

– Ага, – с набитым ртом подтвердил мальчик.

– Тогда, с дозволения господина капитана, после завтрака пойдем лепить! – солдат вопросительно глянул на командира.

Тот коротко кивнул. Он был задумчив. И на сей раз причиной была не озабоченность судьбой мальчика, воспоминания о страсти с Принцессой учинили смуту в, и без того нагруженной, голове офицера.

– А как консилась сказка? – вдруг спросил Поль.

Прохус посмеялся от того, в какой просак попал Лагар от этого вопроса. Но капитан переиграл ситуацию, отвечая:

– Спроси у Прохуса, он первым мне ее рассказал – он лучше знает. – Теперь усмехнулся офицер, видя растерянность лица солдата с набитыми кашей щеками и широко раскрытыми глазами. Старый боец напомнил хомяка в таком виде.

– И жили они долго и счастливо! – как-то выкрутился Прохус, даже не зная: о какой сказке речь.

В этот момент подошел Йувич. Он что-то протянул маленькому дарлеоновцу. Тот взял это с радостью.

– Вот держи, дружок, хоть повеселишься самую малость. – Говорил повар в улыбке.

Прохус и Лагар с первого взгляда увидели оловянного гусара верхом на коне и с шашкой наголо.

– Где ты это взял, Йувич? – изумился капитан.

– В четвертой роте служит ювелир... ну просто мастер на все руки. – Весело рассказывал повар, почесывая пузо через шубу. – Всю ночь мы с ним плавил ложки, раза с пятнадцатого получилось. Надо же как-то порадовать нашего мальчишку. – Йувич поводил рукой по голове Поля.

– Спасибо, Йувич!

– Спасибо – много, господин капитан. Мы же семья.

Поль стал цокать, имитируя звуки скачущей лошади, и перемещал фигурку по поверхности ящика. Офицер пригляделся и заметил, что всадник действительно похож на гусара. Сделано было умело в таких условиях – пуговицы были почти на одной оси; фуражка сидела криво, зато в кокарде была точка, словно дракон, как у всех.

– Господин капитан! – послышался голос Дерагора со спины.

Все завтракающие поглядели на лейтенанта и даже замерли. Он был не один; с ним подошли четыре ритрерийца. Лагар встал и приблизился к прибывшим. На их серой форме гордо красовались красные линии с золотыми надписями: «CONCORDA». В фуражке светился на солнце золотой грифон.

– Prima centuria Kvabs, legiona Concorda! – представился ритрериец. Топнул ногой, ударил правой рукой по груди и вскинул ее прямой ладонью кверху.

Лагар отдал честь. Поль тоже посмотрел на серых людей. Мальчик испугался их глаз и спрятался за Йувичем. Тот с ухмылкой подтвердил, что глаза по-настоящему страшные. Темно-желтые очи, казалось, всегда жаждали убивать, словно сам дьявол вложил свою суть в глаза всех ритрерийцев. Скорее бегемот полетит на крыльях бабочки, чем желтые глаза ненависти покажут хоть одну добрую эмоцию.

– Сим утром телеграфист передал мне приказ командира дивизии. – Сообщал Дерагор. – Вскоре возобновим наступление, посему нам прислали пополнение для прорыва. Третью манипулу легиона «Конкордия».

В тот же миг на позиции стали выходить ритрерийские орлы, иначе их назвать было нельзя – гордые, жестокие, сильные, ловкие. Над их головами покорно высились вымпелы легиона. Можно было бы смеяться, что это хвастливая показуха; однако южане многократно доказывали свою мощь, и могли так красоваться, хотя это просто был селестийский военный указ.

Лагар и Квабс пожали друг другу руки. А Дерагор передал телеграмму с распоряжением старшему. Тот ее перечитал и распорядился:

– Отлично, господин лейтенант, будьте добры покажите нашим союзникам позиции и проследите за их размещением!

– Слушаюсь, господин нянька! – недовольно кинул младший офицер.

Капитан гневно посмотрел на Дерагора.

– Извините. – Сказал ритрерийцам старший офицер. Затем, указывая лейтенанту в сторону, раздраженно проговорил: – На минутку.

Все кругом наблюдали, буквально задержав дыхание. Ритрерийцы языка не понимали, но осознали конфликт и надменно морщились, высмеивая разлад дисциплины.

– Следите за языком, лейтенант! – приглушенным голосом рычал на младшего старший. – Я уже понял, насколько Вы бессердечны, меня это не волнует. У нас по-прежнему одинаковые обязательства. Будьте здравомыслящим. Я этого больше не потерплю.

Лагар сжал кулак на рукояти сабли. Дерагор сдавил ладони. Они смотрели друг другу в глаза с агрессией и были в шаге от драки.

– Вам ясно? – злостно уточнил капитан, выставив голову вперед, будто надавливает на оппонента.

– Я Вас услышал. – Выдавил из себя с призрением лейтенант. – Честь имею! – Сказал Дерагор и оставил Лагара, пройдя к ритрерийцам.

Капитан проводил подопечного разъяренным взглядом. Младший офицер пригласил союзников пройти с ним, и они ушли к окопам. Лагар гневно уселся обратно, но аппетита не было, ведь внутри возник конфликт, что мальчик действительно станет преградой в исполнении долга.

Через время неподалеку от позиций пятой роты ближайшие подразделения после успешной атаки вели колонну пленных имперцев. Лагар принял решение прийти с Полем туда – вдруг среди пленных мог оказаться отец мальчика, поскольку последний сообщил, что папа ушел на войну.

Капитан и ребенок пришли к движущимся колоннам пленных. В целом в этой войне пленные были редкостью – обе стороны сражались до последнего, поэтому количество львиных солдат нельзя даже было назвать колонной. Их было не более двух рот.

Лагар закурил, выглядывая мужчину, который бы походил лицом на мальчика. Конвоирующие элетарцы отдавали капитану честь; а конвоируемые с удивлением пялились на ребенка. Атмосфера была уныло-напряженная. Дарлеоновцы ненавидели элетарцев; элетарцы желали смерти дарлеоновцам. Все только усугублял мороз, который вот уже полтора месяца навис над всем фронтом и неизменно терроризировал страдающих людей.

Снег бурчал под сапогами и валенками имперских солдат. Лагар раздраженно потягивал папиросу, испуская изо рта табачный дым и пар холода.

– Потому мы тут? – спросил Поль.

Офицер опустил на одно колено, двинул головой в сторону идущих и сказал:

– Возможно среди них может быть твой отец. Смотри внимательно.

– А мама?

– Мама... – Лагар вздохнул с небывалой тяжестью, она была так тяжела, что утопила бы корабль своим весом. – Фельдшер сказал, что она будет скоро... – Лагар опустил глаза в блестящий на солнце снег, – скоро...

Офицер закрыл рукой лицо и давил пальцами в глаза, лишь бы не пустить публично слезы. Удержался. С трудом.

– Я не визу папы. – Заметил мальчик, когда пленные прошли дальше.

– В другой раз значит. – Неутешительно сказал Лагар; докурив, выбросил остаток папиросы.

– Господин капитан, какими судьбами? – подошел невысокий мужчина с карими глазами. Он искренне улыбался потрескавшимися губами – по-настоящему был рад видеть Лагара. По погонам на шинели было ясно, что он майор.

– Ах, Рудольф! Рад встрече! – протягивая руку, оживился капитан.

Офицеры пожали друг другу руки, радостно глядя в глаза. Майор похлопал сослуживца по плечу.

– Вот... – Лагар кивнул на Поля. – Так сказать сын полка, ищем евоново отца.

– А... – Рудольф хотел спросить про мать, но глаза Лагара уже дали предельно ясный ответ. Опустив голову, майор достал себе сигарету, затем поднял голову и повертел взгляд в сторону, словно что-то искал. – Я могу чем-то помочь? – Воткнул сигарету в зубы и говорил с нею, ища чем прикурить. – Есть хотя бы имя? Могу поспрашать у других.

Капитан поднес зажженную спичку сослуживцу и обратился к Полю:

– Как папу зовут?

– Э-ээм, – мальчик задумался. – Папа. – Поль развел руками, не зная имени.

– Все это прискорбно, друг мой. – Невесело отметил Рудольф.

– До чего же мы дожили... что это колесо перемалывает всех. – Лагар поджал губу и поморщился, взглянув на небо. Оно казалось таким мирным, таким обычным, словно кругом не было бедствия, в котором утопало человечество.

– Не падайте духом, друг мой, – майор положил капитану руку на плечо, поддерживающе сжав его. – Мы закатали врагу как следует. Скоро все кончится – еще до того, как снег растает по весне. Вернемся домой, обустроим жизнь. После увиденного все ныне ценится иначе.

– Да. – Как мог согласился Лагар.

– Вы заходите ко мне вечером, господин капитан. Выпьем чаю.

На этом офицеры распрощались. По возвращению на позиции пятой роты Лагар взялся писать письмо в штаб армии. Поль сидел рядом и наблюдал за движениями карандаша по бумаге. Офицер подложил свою коричневую сумку под лист, неудобно горбясь, сидя на ящике с патронами.

– Сто там? – поинтересовался Поль и, прижавшись к опекуну, нырнул головой к листу.

Капитан осторожно подвинул головушку, чтобы открыть себе взор на бумагу и ласково улыбнулся.

– Я пишу письмо.

– Кому?

– В штаб армии.

– А засем?

– Я уже пару дней назад хотел написать, но совсем забыл... забегался... забот много. – Отвечал капитан, шмыгнув носом и утер рот. За последние дни жестким

рукавом шинели офицер натер себе мозоль под нижней губой. – Хочу просить у них разрешения...

– Господин капитан! – отвлекли офицера.

Лагар оторвался от письма и будучи перебитым замолчал. К нему подошли три сержанта.

– Прошу прощения, господин капитан, – говорил с аккуратной бородой мужчина. Очень высокий и крупный – настоящего богатырского телосложения. От него не просто веяло аристократизмом, он казался его воплощением. Серо-голубые глаза так и сверкали гордостью за свое имя. – Говорили сим утром с интендантом. Он сообщил, что только сегодня будет расписание поставок; а одежда придет не ранее трех дней. А у нас на роту, как выяснилось нехватка полушубков, шинелей и валенок. Прошедшей ночью у нас пятеро часовых обморозились.

– Почему мне сразу не сообщили? – капитан отложил бумагу, встал и недовольно нахмурился.

Сержант встал по стойке смирно и отвечал:

– Простите, господин капитан, Вам должен был сообщить лейтенант Дерагор. Мы сперва поставили его в известность, как нашего непосредственного командира.

– Вы свободны, господа. Я разберусь с этим. – Лагар настойчивой интонацией намекнул, что не желает вести диалог дальше.

Сержанты отдали честь и удалились. Капитан оставил Поля на попечении Прохуса и поспешил к интенданту. Из всех обременяющих проблем, не хватало только сбоя в логистике и задержки поставок жизненно важной экипировки или вооружения.

Интендант временно располагался в шатре. Туда, словно гонимый вихрем, ворвался Лагар. За своих людей он был горой.

– Здравствуйте, уважаемый Лагар. Чем могу помочь? – тонкий голосок сорокалетнего тыловика напоминал воробьиное пение. За красивым полированным пенсне, укрывающим синяки под глазами, виднелись плутовские голубые глазища. Бакенбарды прикрывали обвисшие щеки лишнего веса, а борода не давала понять: сколько у этого человека подбородков.

– На роту, а то и на весь полк: полушубки, сапоги, валенки! – Требовательно огласил офицер. Сняв перчатки, сложил их в ладонь правой руки и стал легонько шлепать ими по левой ладони.

– Уважаемый Лагар, – как птица лепетал интендант, – понимаю Вашу озабоченность людьми. Однако я жду еще только расписание. Наступление так быстро разошлось, что не успели еще наладить снабжение в должной мере. Пару деньков надо бы подождать.

– И все же, и мне, и Вам известно, где Вы можете взять нужное мне и срочно...

Капитан намекал на слухи, которые казались чистой правдой, что интендант вговоре со своим штатом сотрудников в тайне припрятали содержимое целого вагона. Предназначенное армии планировалось давать только «своим» или продавать по воле случая.

– Не понимаю, о чем Вы. – Поперхнулся тыловик. – Если Вы меня в чем-то подозреваете, чего я точно не совершал. Отправьте жалобу в штаб армии, а может и всего фронта...

– О, я непременно кое-что отправлю. Только Вам! И отправлю вот это, если мои люди не получат того, в чем нуждаются, что к тому же по праву долга их! – Лагар нарочно сделал свой голос угрожающим и даже властным. На словах: «Отправлю вот это», – офицер швырнул на стол интенданта револьверный патрон. Затем капитан молча отдал честь и, расправив плечи, как крылья, вышел из шатра.

Интендант остался сидеть шокированным и испуганным.

Вечером Лагар решил отреагировать на приглашения майора Рудольфа и выпить чаю. Рудольф расположился в недавно заброшенной избе лесного егеря, посреди охотничьих угодий, где базировалось подразделение Рудольфа.

Оба офицера курили раздобытые на захваченных позициях Дарлеона сигареты «Левкрехт». Эти сигареты считались самыми дорогими и качественными на всем континенте и стоили баснословных денег.

– Хороший... очень хороший табак! – покашливая отмечал Лагар, стряхивая пепел на пол.

Оба офицера сидели у письменного стола посреди деревянной комнаты, в стенах которой были головы кабана, лося и двух волков. В остальном помещение ничем не примечалось – осиновые стены, осиновый пол, осиновый потолок. Приятный аромат древесины, довольно свежей, перебивался не менее приятным дорожным имперским табаком.

– Знаете, Лагар, – начал рассуждать Рудольф, – а ведь делаете Вы хорошее дело, однако же осознаете ли все риски до конца?! Я про мальчика.

Капитан затаился, откашлялся и задумчиво ответил, не убирая сигарету далеко от рта:

– Полагаю, никто никогда не осознает все риски до конца.

– И то верно. – Майор отпил чая.

В этот момент к ним постучались. На дозволение войти вошел капитан десятой роты. Он был весь красный, но не от мороза, а от гнева. Яростным шагом пришедший подошел к столу, скинул на него фуражку, расстегнул резким движением шинель, пуговицы едва не разлетись, оставшись на нитках.

– Что стряслось, Керус? – в напряженном недоумении спросил Рудольф, сложив руки на груди, откинувшись на спинку стула.

Капитан десятой роты схватил стакан с чаем Лагара, залпом выпил его и начал злобно изливать душу:

– Господа, слышали Вы или нет, но в Элетаре давеча было вооруженное восстание. Едва его затушили ритрерийцами! – Он со звоном поставил стакан, скинул с себя шинель, подвесив за гвоздь на стене, и принялся бродить по комнате широким

шагом. – Мы, видите ли, тут, жрем дерьмо, месим дерьмо, тонем в дерьме. Убиваем людей, умираем сами. А эти выродки революции устраивают?

Каково?! А?! А я вам говорю, господа, это все происки либералов и социалистов, чтоб они все сдохли! – Казалось, что еще чуть-чуть и губы капитана скроются в пене истерики. – Мы жизнь отдаем, губим лучшие годы жизни ради таких ублюдков, которым, видите ли, бастовать приходится, что им тяжело живется.

– Полно, господин капитан... полно! – вмешался Лагар. Впрочем, он сам преисполнился злости на восставших.

– Полно?! – Керус чуть ли не подпрыгнул к Лагару. Уперевшись руками в стол, навис с гневом над сослуживцем. – Вы, что прикажете мне принять тот факт, что нашу святую королевскую семью пытались свергнуть оружием?

– Я лично готов прострелить головы всех затейщиков этого беспредельного святотатства. – Сдержанно отвечал Лагар. – Проклинаю их не меньше Вашего, господин капитан. Но извольте взять себя в руки. Такие выплески гнева к добру Вас не приведут.

– А мне и не надо добра! Я охотно казню этих подонков, что своими прихотями под влиянием предателей, обесценивают наш с вами труд, господа! «Долой самодержавие»?! – такие плакаты в разгар тяжелейшей войны – это небывалый абсурд. О, боги и богини! – Керус снова стал бродить и ударил кулаком стену, уже не в силах себя держать.

– Восстание... весьма тревожный знак. – В глубине мыслительного процесса рассуждал Рудольф. – Кабы было нам куда вернуться, а то сгинем тут жертвами измены.

– Это точно. – Согласился Лагар и завис в мыслях, что дома может не стать из-за произвола заговорщиков.

– Если бы эта Гралитта думала бы головой, а не промежностью, ситуация была бы лучше! – выплескивал гнев Керус.

Теперь Лагар разозлился; он буквально озверел, вскочив с места так, что стул с грохотом упал.

– Принцесса Гралитта не так давно встала у власти и ошибки ее брата поставили государство в такое положение! И как Вы смеете так говорить о сапфировой персоне? Не много ли берете на себе, любезный?! Ходящие слухи – это вздор!

Сперва Керус хотел поспорить, готовя еще одно острое оскорбление в адрес сестры Короля. Однако заметил негодование бывшего гвардейца, которое сдерживалось последней крупницей приличия и здравого смысла.

– Господа, прошу вас! – Поднялся Рудольф, демонстрируя полное самообладание. – Давайте отринем эту тему. Беда миновала – трон на месте и, как мне кажется, в надежных руках. Мы еще не раз будем здравствовать успехи Принцессы Гралитты.

– Это уж точно! – Утихомириваясь, поддержал слова Лагар.

– Прошу прощения, господин капитан. – Вдруг раскаялся Керус. – В пылу обиды и злобы я утратил рассудок. Сожалею о своих словах.

Лагар молча протянул руку сослуживцу. Тот пожал ее в ответ. Неожиданно возникший конфликт исчерпался как-то сам собой. Офицеры не меньше остальных утомились от беспросветного кошмара, в котором тонули уже полгода. Споров и нервотрепки хватало и так. Поэтому два капитана и майор дружелюбно уселись за стол; попивая чай и потягивая «Левкрехт», они стали делиться забавными случаями из жизни в смехе и веселье – таких редких и чуть ли не чуждых эмоциях, строя робкие надежды на возвращение к обычной жизни после войны.

Глава 3

До назначенного прорыва оставались сутки, поэтому Поль был еще в окопах – рядом со своим опекуном. Последний никак не знал: куда бы пристроить мальчика, когда затишье подойдет к концу. В итоге, после размышлений, капитан принял решение: держать мальчика при себе, а в атаке оставить Прохуса с Полем в окопах. Офицер никому не хотел отдавать мальчика, боясь, что никто его не защитит от таких, как Дерагор.

Поль смиренно сидел, играясь с подаренным Йувичем оловянным гусаром. Траншеи немного суетились от напряжения и подготовки. За мальчиком приглядывал Прохус, совмещая это с чисткой винтовки. В нескольких шагах Лагар общался с двумя саперами и курил.

– Дарлеоновцы не могли за такой короткий период заминировать все подступы.
– Допустил капитан и затянул папиросу.

– Господин капитан, вся теория, которой нас учили, оказалась просто ненужной писаниной. – Взволнованно отмечал лейтенант-сапер. На его усиках и бородке осел иней, а голубые глаза были холодны, как погода кругом. – Принципы минирования, которые осуществляет противник, противоречат военной стратегии. Они нарочно подвергают своих же солдат подорваться, лишь бы побольше подорвалось наших, поскольку мины закопаны там, где их быть по идее не должно вовсе.

– Ночные разминирования не обезопасят нас?! – напряженно задумался Лагар.

– Мои люди делают лучшее, Вы же знаете, господин капитан, мы не чешим затылок пред задачей, мы ее выполняем, но враг хитрее. Мы физически не можем обезопасить войска в должной мере, пока более великие умы на найдут противодействие ловушкам львов.

В этот момент в окоп спустилась медсестра. Девушка с медицинскими знаками отличия: белый шерстяной платок с голубым плюсом и полушубок с таким же плюсом. Молодая девица, не старше двадцати лет, целеустремленно двигалась к командиру. Покрасневшие щеки симпатичной зеленоглазой девушки держали узкие губки в ровно-горизонтальном недовольстве.

– Вы свободны, господин лейтенант, благодарю. Переговорим позже! – спешно распрощался с сапером капитан и обернулся к неожиданной гостье.

– Здравствуйте, милочка! – любезно поклонился офицер.

– Добрый день! – сказала она и набрала воздуха, чтобы явно начать скандалить.

Лагар опередил ее натянутой вежливостью, поскольку знал о занудстве женского медперсонала. Медсестры всегда надоедали, Лагар считал их не спасительницами, а кровопийцами, хотя уважал, когда они все же спасали жизни его людей.

– Что Вам угодно, милочка? Вам тут не место.

– Как и ему! – девушка взмахнула рукой на Поля и стала повышать голос. – Я пришла его забрать.

– Минутку, – сдержанно отрезал Лагар. – Давайте не будем кричать и спокойно поговорим.

Медсестра охладила пыл и согласно кивнула.

– Вот и славно. Теперь по порядку, будьте добры. – Попросил капитан.

– До нас дошли слухи, в которые невозможно было поверить, мол капитан Лагар приютил у себя в окопах осиротевшего мальчика. Мы уважаем Вашу человечность и мужественность. Но ребенку не место в окопах... тут опасно!

– А куда мне его еще деть? – перебил офицер и взглянул на Поля, который уставился на их спор.

– К нам. В лазарете ему будет самое место – под нашим присмотром.

– Да... в месте, где еще больше страданий и крови, чем тут. – Лагар вложил в акцент на сарказм всю интонацию.

Медсестра чуть растерялась, она понимала, что права, но после такого аргумента не могла подобрать слов для оспаривания. В диалоге повисла небольшая пауза. И в эту паузу на траншеи обрушился очередной кошмар. Вдалеке послышался громогласный грохот.

– Что это? – испугалась медсестра.

– Обстрел! – заорал пулеметчик рядом.

– Дура! – крикнул Лагар, схватил девушку, подтащил ее к Полю и укрыл собой их обоих.

Все в окопе укрывались и прятались как могли. Рядом и в сам окоп стали падать снаряды. Взрывы заглушали слух. Осколки разлетались в людей, которые начинали вопить от боли. В ушах поднимался шум. Лагар стал молиться про себя, хотя никогда не был набожным: «Только не его!!! Пожалуйста!»

Сердце его стучало быстрее, чем в первую атаку, чем в самый волнительный момент жизни. Вот он. Вот это был самый волнительный момент жизни. Раненные молили о помощи, разрывая горло от криков боли. Их перебивали беспощадные взрывы. Медсестра попыталась вырваться из-под офицера.

– Куда? – Рывкнул он.

– У Вас свой долг, у меня свой. Я не могу их бросить!

Медсестра приложила усилие и вырвалась, побежав к раненым. Она не могла никого бросить. Она взяла свое сердце в руки, игнорируя происходящий ад. Видя все это, на необычный поступок пошел конкордийский центурион. Он видел состояние капитана, который растерялся, защищая своего мальчика. Тогда ритрериец обнажил гладиус и проорал:

– Caza Eletara!

– Tuza Kralus! – хором ответили легионеры.

– E carda! – взревел Квабс и ринулся в атаку из окопа.

Лагар поднял голову посмотреть на то, что устроил союзник. Вылезавший из траншеи центурион посмотрел точно в глаза коллеги и кивнул. Дарлеоновская артиллерия заметила контратаку ритрерийцев и перевела огонь на них, поскольку

имперские солдаты больше всего боялись штыковой с ритрерийцами. Таким образом, конкордийцы отвлекли врага своей жертвой, обезопасив маленького Поля. Лагар и подумать не мог, что обладатели этих жестоких глаз способны на подобное.

– Господин капитан, а как же мы? – подбежал к Лагару Дерагор.

В такой ситуации весь их конфликт исчез, будто никогда и не был. Лейтенант без всякой злобы, высмеивания или иных недобрых помыслов предложил пойти в атаку, мол не бросать же союзников.

– И мы! – оповестил офицер. – Рота к бою! Примкнуть штыки!

Уцелевшие солдаты готовились к очередному броску навстречу смерти.

– Прохус, следи за мальчиком!

– Слушаюсь!

– Ну, братцы, за Короля и королевство! – во весь голос призывал капитан.

Он сунул свисток в рот, обнажил саблю и дунул. Элетарская рота поднялась в бой вслед за союзниками. Ни Дерагор, ни Лагар не думали о последствиях, ведь начали прорыв за сутки до запланированного. Но этот боевой азарт был непреодолим, и выбора не осталось. Рота понеслась в бой. Капитан уже наверху оглянулся на Поля, сказав: «Боги и богини, пусть не в последний раз вижу его!» – и побежал плечом к плечу со своими людьми.

Медсестра пыталась помочь раненному, с осколками в правом ребре. Солдат дергался в конвульсиях, не давая себя спасти. А девушка, как и любая из сестер милосердия, отчаянно бросала вызов смерти и боли, отрывая кусочек от своей души.

– Прохус! Помогите мне! – в крике попросила девушка.

Солдат видел, что мальчика накрыл шок, и он никуда не денется. Прохус подполз к раненному и схватил его, удерживая всей силой.

– Потерпите, родненький! Терпите! – кричала медсестра, останавливая кровь.

А конкордийцы и пятая рота жестокой штыковой заставили артиллерию замолчать, выбив врага с позиций. Но без резервов, из-за спонтанности этой атаки, развить успех не удалось. Атака вообще не имела стратегического значения.

После боя все вернулись на свои позиции. Лагар, возвратившись в окопы, был сильно испачкан, как и все. Чернота пороха омрачала людские лица.

– А где мальчик? – глядя по сторонам, спросил капитан Прохуса довольно грубо.

– Простите, господин капитан, не сумел помешать бабе этой. Забрала она его к себе. – Виновато паялился в землю солдат, не в силах посмотреть в глаза командиру – совести не хватало.

– Ясно. – Опустошенно произнес офицер и направился в лазарет, даже не приведя себя хоть в какой-то порядок.

В тот момент капитан должен был оставаться в расположении своего подразделения. Но офицер опять выбрал не тот путь. Впрочем, его никто не винил. Даже лейтенант Дерагор внутри все понимал. Поэтому, сжав зубы, младший офицер стал

выполнять обязанности старшего после боя, чтобы хоть как-то прикрыть перед командованием, которое, если бы узнало – осталось бы сильно недовольно.

Лагар пришел в лазарет. Он не был злой и не гневался. В глубине души он понимал, что вероятнее всего мальчику действительно лучше там, чем с ним. Он хотел хотя бы убедиться, что все в норме; поскольку маленький дарлеоновец стал элетарцу небезразличен. В лазарете суетился медперсонал. Они уже помогали раненым при обстреле и готовились принимать тех, кого вот-вот принесут после атаки. Лагар недолго искал Поля в плохо освещенном шатре.

На полпути до мальчика капитана остановила заведующая лазаретом – старшая медсестра Ирва. Ей было всего сорок, но очень утомительный и нервный труд состарили ее, и выглядела она за пятьдесят. Морщины, немало седых волос, синяки под глазами, в которых едва могли мерцать хоть какие-то эмоции, а их красивый зелено-коричневый цвет померк.

– Что Вам угодно, господин капитан? – спросила Ирва.

– Я хочу повидаться с мальчиком. – Спокойно осведомил Лагар.

Ирва устало кивнула головой, призывая пройти с ней. Они подошли к Полю. Он сидел не двигаясь. Его глаза были широко раскрыты и вообще не моргали. Мальчика будто заморозило. Шок сделал с ним что-то невообразимое. Полю просто сидел. Сидел и не двигался, даже памятник мог показаться живее.

– Я Вас не виню, но все же в окопе он был по Вашей воле. – Тихо говорила Ирва.
– Мы никак не можем привести его в чувства.

– Возможно, глупый вопрос... но нашатырем пробовали? – в стыде спрашивал капитан.

– Конечно пробовали. Не помогает... – растерянно отвечала медсестра.

– Ладно, тогда вот так попробуем!

Офицер отошел к столу, на котором стоял спирт. Лагар взял целую бутылку и стал подносить к Полю.

– Господин капитан, что Вы... – попыталась остановить словами Ирва.

Но не успела. Лагар открыл мальчику рот и залил туда спирт. Полю в миг ожил, словно его ударила молния. Мальчик, разрываясь, закашлялся; а затем громко начал реветь и визжать на весь шатер. Но не из-за жгучего спирта, а потому что словно пробудился от кошмара. Капитан взял бедняжку на руки, крепко обнял, прижимая к себе и стал наговаривать:

– Поплачь... поплачь, станет легче. Не бойся, все кончилось. Я с тобой! Я рядом!

Медперсонал долго отвлекаться на это не мог, все вернулись к своим обязанностям. Через пару минут плача Ирва прервала объятия, заставляя мальчика попить воды. Полю охотно схватился за кружку и стал пить с жадой. Офицер опустил его на пол. Медсестра, максимально понизив голос, шептала Лагару:

– Я все понимаю и вижу. Он важен Вам, Вы нужны ему. Но будьте благоразумны, Лагар. Я молю Вас богами и богинями, оставьте его здесь. Сможете приходить повидаться в любое время.

Офицер сам не понимал: как он мог всего за пару дней так привязаться к незнакомцу. Они вместе играли, редко перебрасывались парой слов, ничего особенного их почти не связывало. Но Лагар не хотел разлуки даже такой, как предлагала Ирва.

– Я, наверное, не в праве решать его судьбу. Особенно после такого... но что-то мне не ладно на сердце от этой мысли.

– Когда к Йувитю? – вдруг спросил Поль.

Лагар взглянул на него и сперва растерялся.

– Обед еще не скоро. Но мы обязательно поедим сегодня супа. Пойдем?! – капитан протянул руку мальчику.

– Никто не будет Вас заставлять и спорить с Вами. Решение за Вами, господин капитан, но подумайте: если Вам и вправду дорог мальчик, значит Вы примите разумное решение о его безопасности.

Лагар взглянул на Ирву с пониманием и поджал губы в безысходности.

В этот момент два ритрерийца затащили своего командира в шатер. У центуриона была обезображенно разорвана и исцарапана картечью нога. Куски мяса свисали, кости паутиной покрылись трещинами. Нога кровила фонтаном.

– Вам лучше уйти! – сказала Лагару Ирва и распорядилась: – Готовьте операционную к ампутации.

Квабс держался стойко. Всех воинов Селесты учили не чувствовать боли. С ранних лет каждый ритрерийский военный переживал небывалую боль – это закаляло, вырывая человечность. Поэтому центурион, хоть и был бледным от потери крови, в остальном оставался безмятежным и спокойным. Капитан хотел было поблагодарить рукопожатием центуриона за неуставной и опрометчивый поступок, но спасший Поля. Однако никто не пустил офицера к центуриону. Лагар и Поль ушли.

На обеде атмосфера была на удивление положительная. Казалось бы, все прежнее: суровый мороз, бесконечный и глубокий снег, смесь вони с окопов и ароматов кухни. Но было что-то особенное на сердце у Лагара. Он не верил, что ощущение внутри, можно было истрактовать: радостью. Но сердце капитана поистине пело.

Поль довольно быстро оправился от шока, но не был прежним. Все время мальчик стеснялся, молчал; но на этом обеде почувствовал себя наконец-то не чужим. А его опекун и вовсе казался верным другом.

За теми же ящиками, на том же морозе, при том же ярком солнце Поль, Лагар и Прохус кушали гречку с маслом. Полю гречка явно не нравилась, мальчик недовольно морщился, но есть продолжал. Когда его миска опустела, он постучал по ящику и адресовал опекуну:

– Тук-тук!

Лагар обернулся, несколько секунд подумал, затем решил реагировать.

– Кто там?

– Сала килагам! – выдал Поль и очень громко загоготал. Видимо, недавно он услышал эту шутку от солдат; и она показалась ему веселой.

Мальчик так искренне смеялся, что хотелось жить. Детский смех был божественным бальзамом в тот момент вообще для всех, кто слышал. Прохус пустил слезу, явно предавшись своим воспоминаниям.

– Тук-тук! – Постучал Лагар, широко растягивая улыбку с пожелтевшими зубами.

Поль резко прервал смех и нахмурился, ожидая, что его таким образом будут ругать. Тем не менее спросил:

– Кто там?

– Сала килограмм! – в смехе выдал офицер.

Дарлеоновец чуть не шлепнулся с ящика, схватившись в гоготе за живот. Капитан глядел на мальчика, как на родного сына. Это было так необычно. В душе так стало тепло, что согревалось тело. И никакая зима не остудила бы этого чувства. Глаза Лагара расплывались слезливым счастьем.

В этот момент подошел Йувич. Он держал левую руку за спиной. Неожиданно для всех к шутке присоединился сам повар:

– Тук-тук!

– Кто там? – спросили одновременно Поль, Лагар, Прохус и еще несколько ближайших солдат.

Эта нелепая шутка чудесным образом сплотила всех в несколько ином ключе. Рота была едина, не просто как боевые сослуживцы или воинское соединение; а на обеде же они стали душевной компанией друзей – этого им не просто не доставало, это не выходило само собой в силу обстоятельств фронтовой жизни.

– Сала не килограмм! – ответил Йувич и вынул левую руку.

В ладони у него была тарелочка, на которой лежали аккуратно нарезанные ломтики сала.

– А я знал, что он прячет заначку! – подал голос кто-то из солдат.

И все снова расхохотались. Йувич поставил угощение на ящик и пожелал приятного аппетита. Поль схватил один ломтик и кусал по чуть-чуть, чтобы насладиться. Сало было хорошим, жирненьким, мягеньким и не холодным. Свой ломтик Лагар отдал Полю.

За всем этим со стороны наблюдал Дерагор. Он был возмущен, но держал свое недовольство при себе. Дважды он начинал писать рапорт командованию, но дважды комкал и сжигал в костре листы с жалобой. Лейтенант был максималистом и человечность отводил на мирное время. На войне следовало сохранять хладнокровие для достижения скорейшей победы. Мальчик был преградой, поэтому Дерагор дал себе зарок: если Лагар не оставит Поля в лазарете, то следующий рапорт точно не скомкается и не сгорит.

А веселье продолжалось. Один из солдат сбегал за гармошкой. Момент безмятежности застал солдат врасплох. Они почувствовали себя живыми и на ближайший час перестали быть военными – они снова стали людьми.

Гармошка лилась песней. Звонкие меха ритмично призывали людей плясать. Первым затанцевал Поль. Вернее, он просто начал активно двигаться на свое

усмотрение. К нему присоединился солдат, который раньше был артистом в цирке. Ловкими выпадами он плясал рядышком. Зимняя одежда ничуть не ограничивала движения. Вскоре, половина роты на обеде перешла к веселью, – от чего Лейтенант Дерагор чуть было не сгорел.

В плясе Лагар посматривал на Поля. Мальчик покраснел и смеялся всей широтой улыбки. После недолгого танца Польша вдруг слепил снежок и кинул его в капитана. Тот ошарашенно замер и быстро склонился слепить свой «снарядик». Пока он это делал, Польша атаковал уже Прохуса. Но проворный рядовой увернулся, прыжком в сторону. Лагар кинул снежок в Поля. К этому присоединились другие. Один из солдат швырнул прямо в пузо Йувичу. Тот, изображая фальшивый гнев, в две руки принялся мстить.

И вот так, под мелодию гармошки, солдаты пятой роты принялись воевать снежками между собой, отдаваясь радости и веселью. Улыбки и смех лились из полевой кухни на окопы, с которых отступило проклятие ужасов войны.

Однако, как бы хорошо и весело ни было, Лагар с трудом принял болезненное для себя решение. Он проклинал себя и ненавидел, но знал, что так правильно – так надо ради блага Поля. Капитан повел сироту в лазарет. Вечер был теплее последних на прошедшей неделе, но от поступка стало холоднее. Мороз пробивался не через шинель, а исходил из души.

Офицер утихомиривал свою совесть, что так надо и это не предательство. Эта былая чистая борьба с собой. Нелегкое чувство противоречивости смутой шагало по мыслям. Даже после странного расставания с первой любовью не было так дурно.

– Куда мы идем? – спросил Польша.

– Я веду тебя обратно к медсестрам. Там ты будешь в безопасности и в тепле. – Бормотал офицер, не смея взглянуть мальчику в глаза.

– Но я хочу с тобой.

– И я с тобой. – Капитан вздохнул. – Ты мне стал... хорошим другом. Я обещаю, что буду приходить к тебе как можно чаще – не каждый день, конечно, но обязательно буду.

– Мы больше не поиграем в снежки?

– Поиграем! Обязательно поиграем. – Голос Лагара дрогнул в предслезливом состоянии. Он шмыгнул, утерев рот. – И Йувича возьмем, и Прохуса. Я буду приходить и научу играть тебя в шахматы...

– Во сто?

– Шахматы. Это такая игра, где на деревянном поле нужно по очереди ходить различными фигурками.

Польша приоткрыл рот, поскольку объяснение звучало очень захватывающе.

– Но я не хочу, чтобы ты уходил.

– Не представляешь... как этого не хочу я. Польша... дорогой мой, благодаря тебе я стал живым... я ожил и...

– Ты же был до меня. Как ты стал живым? – перебил мальчик.

– Эх... Поль, – капитан согнулся в присед, погладил мальчика по головушке и ласково осмотрел его с головы до ног. – Когда-нибудь ты поймешь мои слова. Главное знай и помни. – У офицера запершило во рту, поскольку наружу рвался легкий плач. – Помни: я всегда буду твоим другом и не брошу в беде. И Прохус, и Йувич тоже. Да кто угодно, даже Дерагор. Можешь быть спокоен, что тебя никто не бросит.

– А мама меня не бросила? – мальчик втянул соплю от холода.

– Не бросила. Просто ей сейчас... нехорошо. Но вы обязательно увидите... просто позже.

Поль кивнул и крепким объятием вжался в капитана. Лагар закрыл глаза и заплакал, прижимая к себе ребенка. «Я тебя не подведу!» – сказал про себя офицер, потому что вслух уже не позволял плач.

После объятия они продолжили путь, но уже молча. Оба следствием плача шмыгали носами, утирая стекающие соплю.

Они пришли в лазарет. Большинство медсестер уже спало. Только четыре дежурных девушки ходили среди спящих раненных. Как раз на смене была Ирва. Она подошла к пришедшим.

– Хворь какая? Или здравомыслие? – с улыбкой она обратилась к Лагару.

– Ни то, ни другое, ведь второй вариант я бы так не охарактеризовал. Впрочем, мальчика я оставлю с вами. – Угрюмо говорил офицер.

– Я не хочу! – воспротивился Поль.

– Поль, – капитан снова присел перед мальчиком, – ты мужчина. Хороший и надежный, но со мной тебе пока опасно. А тут ты будешь делать доброе дело – лечить больных и помогать женщинам – ты будешь большим молодцом. Мама будет гордиться... обязательно. А я буду приходить. Через месяцок война закончится, и я обещаю показать тебе Элетар – там чудесная набережная.

– Не бойся, Поль, – нежно вступила в разговор Ирва. – Тебе понравится с нами. Мы научим тебя читать и писать. А капитан Лагар будет заглядывать. Хорошо? – она с улыбкой протянула руку.

Поль посмотрел на офицера. Тот ободряюще кивнул. Дарлеоновец еще раз крепко обнял опекуна, затем взял медсестру за руку.

– Берегите себя и его! – поддерживающе поднял кулак Лагар.

– И Вы себя, господин капитан!

Едва капитан собрался уходить, как Поль попросил:

– А можно Лагар рассказат мне сказку на ночь?

Ирва посмеялась:

– Конечно. Если сам Лагар не против.

– Я с удовольствием! – вызвался военный.

Ирва проводила их до места, где мальчику уже было постелено. Лагар с прищуром посмотрел на медсестру, она пожала плечами. Поль переоделся и улегся, укутываясь свежим и мягким одеялом, которое пахло чем-то ароматным, но мальчик

прежде не знал этого запаха. Ирва ласково посмотрела на это и ушла, задвинув шторку. Капитан опустился на табуретку рядышком и начал:

– Когда-то драконья Принцесса и великий воин отправились на прогулку... э-ээ... на большой луг, где росло множество разных цветов. Там были и подсолнухи, маки, васильки, розы, тюльпаны, даже гортензии. Там было красиво и светло... и... ээ-ээ... пахло приятно тоже. Так вот на этом поле... кхм... повстречали они маленького зайчика. Зайчик тот был совсем малышом и... э-ээ-э...

Лагара опять спасло, что Поль так быстро и легко заснул, вымотанный таким насыщенным днем. Капитан погладил Поля и вышел, позвеневав кольцами шторы на проволочке. Офицер снова отыскал Ирву.

– Если что-то надо – сразу ко мне. Договорились? – тихо призывал он.

– Разумеется, господин капитан. – Она положила руку на его плечо и едва слышно шутиливо дополнила себя: – Вы бы стали отличным отцом... жаль, что я уже не в расцвете сил.

Оба негромко посмеялись, сохраняя шепот разговора.

– А где ритрерийский центурий?

Ирва молча указала рукой на самый отдаленный угол шатра. Капитан поблагодарил и пошел к раненому. Освещение было не очень, лишь несколько масляных ламп висели на брусках, держащих ткани шатра; поэтому капитан ступал медленно и аккуратно.

Он подошел к ритрерийцу. Тот лежал совершенно сраженным. Он просто опустошенно пялился в потолок. Его с пяти лет учили служить, повиноваться, убивать и терпеть. Селестийская военная школа сделала из него боевого пса. Но с недостатком частей тела – он был почти бесполезен. Его жизнь была зафокусирована только на одном, и инвалидность отняла у него службу. Теперь он станет обычным секретарем в тылу.

Дьявольские желтые глаза без морганий пялили в потолок, словно пытались прожечь его. Руки были сложены на животе. А ниже пояса под одеялом была лишь одна нога.

– Спасибо. – Шепнул капитан и протянул руку центуриону.

Квабс повернул голову. Его губы буквально на миллиметр дернулись к улыбке – казалось, это максимальное выражение эмоций у этих суровых южан. Конкордиец крепко, вопреки большой потери крови, подал руку в ответ и даже кивнул. Затем моргнул, вернул руку на живот и продолжил пялиться в потолок, мечтая, что лучше бы он погиб, чем вот так – беспомощно и глухо.

Лагар вышел из лазарета и судорожно закурил. Напряжение чуть отступило, и замученный офицер ощутил себя выжатым. Он ступал очень медленно, вслушиваясь в хруст снега, который уже надоел. Он ассоциировался с тяготами бремени и нечеловеческими усилиями.

Табак проникал в мысли, давая самую малость облегчение. На полпути до окопа Лагар остановился. Он посмотрел в темнейшее небо. Чтобы отвлечь себя от грусти, он

решил припомнить что-то весомое в жизни. Первым в голову пришел разврат с молодой Принцессой. Она была так горяча, что могла бы испепелить лаву. «Я бы ни за что ее не отпустил... если бы мог... но у меня еще есть шанс... наверное. Проклятье!» – думал про себя Лагар.

Прошло уже десять лет, а его тело приятно вспоминало все то, что было между ними несколько ночей подряд. Ладони стали чуть сжиматься, будто пытались нащупать в морозном воздухе те мягкие формы девушки. Папироса стремительно догорала, поскольку курящий забыл затягиваться – его охватили мысли. Пепел слетал в снег.

«Я стану героем! И снова мы сольемся с ней в тот дуэт страсти... надо поторапливаться – войне недолго еще рушить мир!» Капитан вдруг опомнился, когда остаток папиросы стал жечь рот. Лагар отплевался в сторону. Закурил еще одну и хрустом пошагал дальше – дремать в этот проклятый окоп. На носу было наступление.

Глава 4

К сожалению, Лагар не смог навещать Поля, как сам того хотел. Наступление, планируемое на следующий день, было отменено из-за серьезных проблем в снабжении. Главнокомандующий приказал окапываться и укрепляться на занимаемых рубежах.

Подготовка к обороне выматывающе забирала у капитана все время. На протяжении недели он оставался среди своих людей, вообще не имея ни минуты на посещения Поля в лазарете. Когда приказ был выполнен и войска основательно заняли оборону, Лагар собрался наконец навестить Поля. Однако была поздняя ночь, и офицер отложил это дело на утро.

Но судьба дьявольскими замыслами разрушила и этот план капитана. В семь утра по всему западному фронту загремела артиллерийская подготовка Дарлеона. Несколько часов орудия империи утюжили элетарские позиции. Командование армий и фронта не придавало этому значения, будучи убежденными, что у Дарлеона просто недостаточно сил для крупного наступления. Но, когда и главнокомандующий маршал Брус, и его штабисты, поняли, что прозевали реальное наступление врага – было поздно.

Элетарские войска вынуждены были отступать по всему фронту. На отдельных участках драконьи воины вовсе обратились в бегство; или массово сдавались в плен.

Во всей этой суматохе катастрофы, которая была даже хуже, чем в начале войны, дивизия, в которой служил Лагар сильно разделалась, перемешалась с другими; и в полном хаосе с небывалым трудом отступала. В силу обстоятельств пятая рота в прямом смысле потеряла собственный лазарет. А вместе с этим Лагар остался в полном неведении о судьбе Поля. Трагичные для королевства обстоятельства разлучили их.

Отступающая пятая рота двигалась на юго-восток в полном унынии. Лагар не шел, он плелся сокрушенным. «Вот такова судьба значит... – С презрением к высшим силам думал про себя капитан. – Неужто не дано мне... элементарно не дано, чтобы был кто-то мне важный рядом». Офицер потер рукой в перчатке кровоточащие щеки. На эти дни выпали самые морозные погодные условия за эту зиму. Беспощадное дыхание зимы сердито и без разбора грызла людскую кожу. Многие запеленали себя, завернулись как только могли.

Но Лагар лица не укрывал; он попросту не хотел. Внутри было так пусто, что было совершенно безразлично: что там делается с лицом. Глаза слезились не то от холода, не то от грусти. Слезинка стекла с глаза, устремляясь по щеке вниз; и тут же замерзла. Щеку защищало еще сильнее.

В хмурый вечер подразделение шагало назад – в сторону родины, откуда не так давно успешно наступало.

– Господин капитан, – обращался Прохус, желая просто завести разговор, чтобы отвлечь командира, – Вы бывали когда-нибудь в Центральных горах.

– Нет. Не бывал. – Коротко ответил офицер.

– Ну полно Вам, господин капитан, отыщется еще наш лазарет. Не навсегда расстались же.

– Знаю... – со вздохом душевной боли произнес Лагар. – Кончится расставание... я надеюсь. Однако ж как мне потом ему в глаза смотреть? Я говорил, что буду приходить хотя бы через день... так и не явился... а сейчас... а что уж сейчас.

– Господин капитан, я внуку тоже говорил, что вернусь через пару месяцев, веря предположениям господ генералов. Не представляете, как мне тошно теперь. Внук для меня больше, чем сын и дочь. Я скучаю по нему и боюсь... боюсь, что не свидимся больше.

Лагар закурил. Обычно табак хоть капельку расслаблял. Но не в этот раз. Смута никак не унималась.

– Прохус, скажи честно: ты всю жизнь любил только одну женщину?

– Хех, – усмехнулся солдат. – господин капитан, не всю жизнь... но одну. До тридцати двух был холост, как юнец. Забавно, что женился на соседке. Столько лет были рядом, но как-то совсем не сразу нашли друг друга... что ли. А что?

– А я вот так и не определился с личной-то жизнью... – Лагар глубоко затянулся, вплоть до жгучего покашливания. – Однажды, соблазненный одной особой... привязался к ней. Вот уже десять лет никак не отвязусь.

Начал медленно падать снег. Снежинки были очень крупными и густыми. Одна угодила прямо на папиросу офицера и затушила ее. Лагар обозленно отшвырнул остаток папиросы и закурил новую, словно бросая вызов другим снежинкам.

– Никогда бы не подумал, господин капитан, что Вы вот так. – Сомнительно рассуждал Прохус. – Думал я, что гвардейцы купаются в ласке легкомысленных девиц и любви у вас там нет вовсе... так веселуха. У нас в деревне все так думают о господах.

– Вы почти правы у себя в деревнях. Дворянская жизнь во многом завязана на веселухе, удовольствии и самолюбивом удовлетворении себя же с помощью других. Не скажу, что я блудил, но до двадцати пяти – когда влюбился в одну, я, бывало, навещал трех дам, за которыми ухаживал. Но это было задолго до военного училища. Совсем молодой я не отказывал себе в распоряжении деньгами отца на все, что пожелаю. Сейчас же... мне очень хочется застрелить того юнца, который так легкомысленно относился ко всему. Ведь жить на полную... как будто сегодня последний день – это ведь эгоизм.

– Никогда бы не подумал, господин капитан. – Изумлялся солдат. – Вы всегда для меня были лучшим из господ офицеров. Блуд это не про Вас.

– С момента, как я дал присягу на первом курсе училища... блуд стал не про меня. Но до этого... эх... деньги так ослепляют... так портят.

– Может оно и к лучшему, что живем мы не богато?! Сыты... да и все. – Повеселел Прохус.

– Может.

Вдруг к разговаривающим выбежал телеграфист. Запыхавшись, он приложил руку к голове и с отдышкой заговорил:

– Господин капитан, извольте передать Вам приказ!

Лагар отдал честь в ответ и кивком дозволил говорить.

– Получена телеграмма из штаба армии. Второй, четвертой и пятой ротам приказано задержаться здесь и замедлить продвижение врага, чтобы выиграть время для отступления всей дивизии.

Слышавшие это солдаты не поддались панике, но были близки к этому. Лагар, приподняв фуражку, почесал лоб и понял: выбора нет – придется сражаться.

Элетарская армия долго отступала. Только спустя почти месяц получилось замедлить, а местами остановить врага. От пятой роты, как и в целом от всей четырнадцатой дивизии, осталось ничтожно мало личного состава – не более тридцати пяти процентов. Вскоре должно было прибыть пополнение и новый главнокомандующий.

Уже третьи сутки шли активные и непрерывные бои за Ортберг. В город постоянно вступали резервы подкрепления, но возвращалась только половина, и то поголовно раненная.

Остатки пятой роты занимали позиции юго-восточнее Ортберга. Элетарская армия всеми силами цеплялась за поселение. Враг неоднократно пытался обойти город, чтобы взять защитников в кольцо. Но каждый раз разрозненные остатки бывших дивизий чудом сдерживали натиск.

Была темная ночь, совмещенная с сильным ветром, который противно бил мелкими снежинками в лицо. И даже при такой легкой пурге было слышно громяющие в пяти милях отсюда бои за Ортберг. Лагар сидел неподвижно. Его шинель и фуражку замело, он почти целиком окрасился в белый, как в принципе все в окопе.

Капитан был вымотан. Все были изнеможены. Но куда страшнее была полная дизмораль. Снова отступления, которые были еще хуже, чем в первые месяцы войны. Патронов и снарядов катастрофически не хватало, их приказывали беречь, как бриллианты. Немногочисленная еда, которая выдавалась редко и значительно меньше нормы практически вся замерзла. Голод. Холод. Утраты. Казалось, что человек не в силах такое выдержать и пережить. Но защитники Элетарии, хоть и думали о том, чтобы сдаться – этого не делали.

«Интересно... как там Польша? – это было единственной мыслью капитана, что не давала ему опустить руки. Он верил, что все еще сможет отыскать мальчика, каким бы ни был исход войны. – Ирва его не бросит. Она наверняка заменит ему мать... что за сильная женщина... да хранят ее всевышние».

Лагар закрыл глаза и вслушивался в ветер. Он выл. Громко выл и засыпал в уши снег. Этот же ветер приносил грохот орудий в Ортберге. Открыть глаза не получалось. Метелица не позволяла, да и желания не было. Рядом с капитаном сел сержант Вервус.

Сорокалетний поэт, добровольцем ушедший на фронт. Его щетина была покрыта снегом, из-под меховой шапки торчали каштановые волосы. Глаза его были светло-серо-голубыми, но в такой погоде, казались белыми.

– Господин капитан, это Вам! – Вербус протянул конверт.

Бумага конверта была плотной и устойчиво реагировала на метелицу. На конверте синими чернилами было написано: «Моему защитнику! Со всей любовью от Королевы!»

Лагар осмотрелся, поскольку все солдаты в окопе начали суетиться. Их сослуживцы приносили целые стопки таких конвертов, выдавая каждому по одному. Удивительное зрелище: что это, и почему оно происходило. Офицер распечатал конверт с максимальной осторожностью, но все равно умудрился его порвать. Хотел выругаться, но губы слишком замерзли для лишних слов.

В конверте было золотое сердечко в виде ордена, а в центре этого сердечка были сапфировые губы, иллюстрирующие поцелуй. Солдаты мгновенно стали прикреплять к своим шинелям и полушубкам эти ордена, красуясь и хвастаясь ими друг перед другом.

– Спасибо, господин сержант. – Хрипел давно не говорящим голосом Лагар. Затем прочистил горло и заговорил внятно. – Что бы это значило? Ничего не прилагалось?

– Просто два штабных адъютанта прискакали с толстыми мешками и стали раздавать нам это пачками, веля передать всем и каждому. – Говорил Вербус. – Я как раз у Вас хотел спросить: что думаете об этом?

Лагар сперва пожал плечами. Внутри смешались мысли скучаний по этой девушке и восторга ею, как Королевой, пусть еще не коронованной.

– Мне кажется это хороший знак. Я уверен... впрочем, нет... я готов поклясться, что она сделала это от души.

– Ну да... Вы же были гвардейцем. – С намеком посмеялся сержант.

– Это нелепые слухи, – защищал честь повелительницы Лагар. – Вы образованный человек, хоть и любитель поболтать, как любой взявший перо... тем не менее она не такая, как все говорят. Да даже если и так, она не злоупотребляет властью.

– Нам в окопах этого не видно.

– Это видно через газеты: Шапривия капитулировала. В кратчайшие сроки она стабилизировала политическую неспокойную обстановку. Вот-вот заработают заводы.

– Я удивлен, что Вы верите этой писанине.

– У меня нет причин ей не верить. Я лично знал Гралитту несколько лет. Она не избалованная Принцесска, а девушка, отвечающая за слова и поступки. Вот увидите... непременно увидите, что она поднимет нашу страну до пика могущества... вот увидите.

– Хоть бы так... – недовольно буркнул поэт.

– Я знаю о Ваших симпатиях социалистам и предателям. Будьте осторожны с мыслями, пока они в Вашей голове – Вы в безопасности.

– До восстания в Элетаре и действительно считал эти идеи лучшими. Но свержение монархии – это сценарий не для Элетарии. Страны тогда не будет...

тысячелетняя история кончится. Даже я не хочу этого, хотя, порой, от самодержавия бывает тошно.

Капитан только хмыкнул и посмотрел на орден еще раз, крепко сжимая его в руке. Он снова вспомнил те незабываемые ночи страсти. Держа этот орден в руке, Лагар поклялся себе, что никогда не изменит этому делу и либо погибнет, сражаясь до конца, либо дойдет до победы.

– Ходят слухи, что прибывший утром новый главнокомандующий имеет роман с Королевой... – зашушукались рядышком солдаты.

Капитан и сержант обратили на это внимание. Лагар знал о Красагоре немало, ведь, по сути, некоторое время они служили вместе.

– А Вам, господа, посоревноваться бы со светскими дамами, кто лучше сплетни ведет! – сделал замечание офицер.

Солдаты виновато умолкли.

– А что Вы, господин капитан, думаете о новом командующем? – спросил Вервус.

– Не буду отягощать нас пустыми надеждами – каким руководителем он будет я понятия не имею. Но могу совершенно уверенно заявить, что маршал Красагор великого ума и широкого сердца человек. Разумнее и мудрее я никого не встречал. Не исключаю, что он приведет нас к победе.

Лагар продолжал вертеть в руке золотое сердечко. Ему было приятно, как и остальным пяти миллионам солдат на фронте. Эта, казалось бы, блестящая безделушка, возымела неожиданный эффект. Солдаты так ободрились, что больше не уступили врагу ни пяди элетарской земли.

«Вы всегда были такой, моя Принцесса. – Влюбленно таял про себя капитан. – Умеете поддержать и все сделать правильно... абсолютно все. Хотел бы я быть рядом при покорении мира. Ведь сердца множеств мужчин Вы точно покорили».

Ни один из элетарцев не смог бы точно описать, что чувствовал. Но этот ход временной Королевы возымел реальный эффект: боевой дух взлетел до небес – армия наконец сумела остановить продвижение врага.

Зима постепенно двигалась к концу. Близился последний – пятый, месяц морозов, холодов и снегопадов. Элетарская армия окрепла, получив пополнение в живой силе, а также окончательно было налажено снабжение. Новый главнокомандующий также стабилизировал стратегическую обстановку. Ортберг был спасен, а Дарлеон остановлен окончательно.

К сожалению, эти же дни ознаменовались всекоролевской трагедией и великим трауром. Солдаты и офицеры узнали о смерти Короля Гальдора, которого так чтили, любили, боготворили и обожали. Может он и не был талантливым политиком, но в армии его называли отцом народа, который укрывал детей за своей спиной.

В день похорон бывшего монарха было объявлено перемирие. Император Дарлеона, к всеобщему удивлению, проявил благоразумность и позволил фронтовикам Элетарии попрощаться со своим государем.

Четырнадцатую дивизию пополнили полками, прибывшими из Шапривии. Это пополнение забавляло солдат западного фронта. Ведь они тут мерзли, а к ним присоединились загорелые и вполне энергичные, как после отдыха, соотечественники. Но в день прощания было не до смеха.

Пятая рота, как и все остальные на всем фронте, скорбно молчала, когда перед ними штабные адъютанты проносили большой портрет Короля Гальдора с черной ленточкой. За штабистами шел богоизбранник в траурном религиозном одеянии. Темно-синяя мантия с черными символами всех богов и богинь. Держа в руке символ бога смерти – нечто похожее на боевую секиру, богоизбранник отпевал усопшего правителя королевства.

Лагар не мог не плакать. Он смотрел на портрет драконорожденного государя, который всегда был так добр, щедр и силен, что казался бессмертным. «Как же так? Как... же так?» – печалился про себя капитан. Ему больше нечего сказать. Его охватывало горе. Рядом плакал Прохус. Дерагор заметно держал слезы. Все любили Короля, особенно за отважное участие в боевых действиях.

– Казалось бы... дракон... – шептал Вервус. Он тоже скорбел, вопреки своим взглядам.

– Вот так... смерть всегда настороже. Ей только дай повод. – Умозаключил Лагар и посмотрел в дракона на кокарде своей снятой фуражки.

Неожиданно внимание привлек недавно прибывший с Шапривии ефрейтор. Он завопил навзрыд. Лагар продолжал смотреть на портрет. Синеглазый Гальдор – крепкий, олицетворяющий своим видом саму надежность и верность. Капитан утер слезы, но они продолжали и продолжали капать, щипая потрескавшиеся щеки.

– Это еще что? – ошалел Дерагор.

Все обернулись посмотреть в противоположную сторону. Лагар достал бинокль и посмотрел на позиции врага. И с лютым удивлением едва вымолвил:

– Дарлеоновцы... честь отдают...

Капитан видел в линзах бинокля, что имперские солдаты выстроились возле своих позиций и, стоя смирно, прикладывали правые руки к головам. Это тронуло. Вопреки всей вражде, солдаты льва придерживались чести, выказывая почет, а не злорадство.

Лагар отложил бинокль и снова обернулся на портрет, который пронесли дальше. Голос богоизбранника постепенно начал отдаляться. Тогда капитан задумался: мог ли он что-то изменить, если бы остался в гвардии, потом вспомнил, что вся «Сапфировая Стража» осталась в заблокированном второй раз Новом Сапфиритусе. От этого стало обидно – его родной город опять терпел на себе ужасы войны.

– Господин капитан, а каким был Его Величество Король? – спросил Прохус и мял шапку в своих руках.

– Добрым, – не задумываясь выдал офицер. Это первое, что бесспорно приходило в голову. – Его окружало столько лицемерия, обмана и подлости, а он все равно не поддавался этому давлению. Он всегда был честным, щедрым и

справедливым. Мы с ним одноклассники... были... но я все же могу сказать, что видел: как Его Величество рос. Он менялся с годами, становясь лучше и лучше. Поначалу он был робким, но постепенно становился твердым, но крайне добрым государем. Единственное, за что мы его не возлюбили за реформу армии по принципу ветенцев. Я был подпоручиком до этого... а потом стал это убогое слово: сержантом. Сейчас был бы ротмистром.

– Ну что ж... я лично не знавал Его Величество, – тепло говорил Прохус, – но был он для нас всегда святым.

– Да... – шмыгнув носом Лагар и утер рот рукавом. – Нам будет не хватать столь заботливого монарха, по истине заботливого... как отец. Это трагедия... это трагедия.

– Получается, да здравствует Ее Светлость Королева Гралитта?! – вдумчиво огласил Вервус.

От одного имени новой правительницы Лагара бросало в предвозбужденную дрожь. Капитан забылся в эротических мечтаниях и никак не отреагировал на слова сержанта.

В очередной самый обычный обед, очередного самого обычного воинского дня, Лагар и Прохус кушали суп, приготовленный Йувичем. Оба военных скучающе посматривали на место, где мог бы сидеть Поль. Мальчика не хватало. Пусть он не был разговорчив и весел, кроме последних совместных часов, все равно была пустота рядом и в прямом, и в переносном смысле. Сирота пробыл с ними всего три дня, но этого времени хватило, чтобы привыкнуть и припоминать себе на протяжении уже долгого времени.

Погода была примерно такая же, как в день знакомства: холод, серость, ничего хорошего. Угнетающее мраком небо закрылось тучами, которые явно собирались выбросить из себя снег. А мороз, хоть и вел себя, как надоедливый сосед, стал настолько неотъемлемой частью, что обращать на него внимание было глупо.

– Прямо-таки, господин капитан, ничего не знаете: куды делся наш лазарет?!

– Увы, Прохус. Видать при реорганизации и перегруппировке, когда отступить мы прекратили проще было не собирать дивизии воедино, а частично переформировать их. Если лазарет, который числился за нами, очутился далеко от нас... толку его сюда тащить, когда можно приставить ближайший. – Лагар просто перемешивал содержимое миски. Аппетита не было все время, но каждый раз капитан заставлял себя поесть, однако не в этот раз.

– Кушайте, господин капитан. А то вдруг опять лев нагрянет... негоже на пустое пузо воевать. – Серьезно твердил солдат.

Капитан только хмыкнул, но продолжил копать в миске ложкой. Даже вкуснейшая по фронтовым меркам похлебка Йувича не принуждала к приему пищи.

– Знаешь, Прохус, а ведь я ошибался. – Вместо супа капитан решил закурить.

Он достал спички и папиросу. Дернул спичку по коробку, та вспыхнула, и поднесенная к папиросе подошла бумага и табак, затем была выброшена и с шипением угасла в снегу.

– В чем же, господин капитан? Задумался солдат.

– Что смогу сберечь мальчика. Я ведь даже не знаю: где он.

– Ну, господин капитан, не знаю. Он наверняка в добром здравии. Уж Ирва о нем позаботится. Вы сберегли его, оставив на попечении, где надо.

Лагар стряхнул пепел с папиросы в сторону и неуверенно пожал плечами. Повисло молчание, в котором говорящие обычно обдумывают произнесенное. Вдруг капитан не удержался и захрюкал, сдерживая смех. Прохус едва ли не в шоке вытаращился на командира. Последнему пришлось оправдываться:

– Да вспомнил одну забавную ситуацию. Я как-то ухаживал за девушкой... года три назад... любви не было. Просто в увольнении от скуки решил как-то скрасить досуг. – Офицер заметно повеселел. Он и сам подумать не мог, что сумеет так отвлечь себя от грустной бытности. – Короче дело было так...

«Лагар познакомился с русоволосой голубоглазкой, как он ее называл иногда, в ресторане. Она была официанткой, а он просто зашел перекусить. Затем он пригласил ее на прогулку, после ее смены. И отношения стали как-то сами собой складываться, хотя Лагар не питал чувств, также не имел никаких похотливых намерений. Просто хотелось общения.

Но это общение зашло далеко. До интима у них не дошло, однако девушка решила познакомить Лагара с родителями. И вот на таком вечере произошел забавный курьез. Отец явно недолюбливал королевскую власть. От него так и веяло революционным духом. Лагар держал осанку прямо и гордо и манеры его были слишком хороши, для простого паренька.

– Уж больно морда у тебя офицерская... – в середине ужина наконец выдал отец, ведь не мог удержать в себе подозрений.

– Так я же капитан! – ответил Лагар. Он говорил серьезно, но прозвучало саркастически.

Все за столом стали полуискусственно смеяться.

– Что правда что ли? – не веря, но на всякий случай уточнил отец.

– Честное слово! – все еще в смехе ответил Лагар.

– Ну тогда пошел вон из моего дома, чтобы с дочерью моей больше не виделся! – резко остепенился отец и указал на дверь.

– Может закурить дадите на прощание? – капитан стал издеваться просто потому, что терпеть не мог презрение к власти. Логика была простая: ненавидишь офицеров – значит и Король ненавистен.

– Я дам тебе папироску, но лишь в надежде, что она тебя убьет!

– Отлично, Вы мне папиросу, а я ухажу!

Отец вынул папиросу из портсигара и неуважительно протянул гостю.

– Пасиба, – сказал тот. Он взял папиросу и стал ее легонько вертеть в пальцах.

- Уходи! – злобно потребовал хозяин дома.
- А вы революционеры как бы? – продолжал офицер.
- Честные рабочие, не видишь что ли? – рычал отец.

Лагару очень хотелось врезать, но знал, что навлечет неприятности на девушку, ведь она вроде была хорошенькая. Поэтому после недолгой перепалки взглядами с отцом гвардеец просто ушел, а папиросу раскрошил и развеял на ветру».

– Мда уж, господин капитан, – смеялся Прохус, – забавное приключение... ничего не скажешь.

Лагар едва ли не ржал в истерике. Эта ситуация его веселила до невозможности. Тот вечер прошел так нелепо, в нем не ощущалась вражда, хотя отец явно был на грани, а вот для капитана все было шуткой.

Когда солдат и офицер отсмеялись наступила тишина, прерываемая ветром и звоном ложек по мискам и тарелкам. Эта странная история каким-то образом вернула здоровое расположения духа Лагару, поэтому он, наконец, начал кушать. Суп на таком морозе почти остыл и был чуть теплым. Но все равно оставался вкусным.

– А с Полем мы непременно встретимся, господин капитан. Вот увидите! – утверждал Прохус.

Лагар в довольстве хмыкнул и сосредоточился на супе, ведь вечером ждали отчеты, отчеты и еще раз отчеты.

Глава 5

Прошло три месяца. Континент пережил аномальное потепление и устроенный силами зла конец света. Второй месяц весны ознаменовался успешным наступлением маршала Красагора по всему фронту. Враг отступал. Конец империи был очевидным.

Дивизия, в которой служил Лагар, должна была наступать на север – вдоль побережья Великого моря. Однако на пути наступающих оказалось непроходимое гниющее болото, с которого веяло смертью. Оно появилось тут пару месяцев назад совершенно неожиданно и в прямом смысле из ниоткуда. Командование опасалось продвигать войска по этой местности, поэтому армии двинулись в обход.

По чудесному стечению обстоятельств, именно благодаря злодейским болотам, Лагар очутился в нужное время, в нужном месте.

Погода была просто замечательная. Весеннее тепло сопровождалось солнцем и расцветом растительности. Деревья буквально зеленели на глазах; трава возвращала себе сочный оттенок зеленого. Далекое чирикание птиц иногда совмещалось с деловыми жужжащими полетами шмелей или пчел. Казалось бы, все прекрасно: хотелось жить. Но эти пейзажи и мирную атмосферу по-прежнему омрачали штыки, винтовки, пушки, полковые колонны солдат и бесконечные обозы с вооружением, экипировкой и продовольствием.

Лагар сидел на упавшем дереве и курил. В практически единственную свободную минутку капитан мог насладиться чистым небом. Таким же синим, как очаровательная Королева, по которой он до сих пор практически пускал слюни. Она уже не была страстной молодой Принцессой – она была женственной царицей красоты и богиней идеала. Ее портреты и фотографии пользовались небывалым вниманием солдат.

– Капитан Лагар?! – спросил женский голос где-то справа.

Офицер поднял голову и увидел знакомую медсестру.

– Анна?! – изумился Лагар.

Они бросились обниматься.

– Анечка, Аня, Аннушка! Это правда ты! – прижимал к себе, качаясь слева направо, и счастливо твердил офицер.

– Мы все верили, что Вы живы, что мы еще встретимся! – заплакала медсестра.

– Получается и Поль тут?! – прервал объятие, обхватив за плечи девушку, ожил капитан.

– Да! Скорее!

Медсестра взяла капитана за руку, и они едва ли не бегом направились к лазарету. Очень быстро они достигли серо-голубого просторного шатра. Бодро Лагар влетел внутрь, раскидывая входные шторы руками. Он эффектно привлек к себе внимание.

В это время Поль раскладывал медицинские инструменты под надзором Ирвы. Она заметила появление Лагара. Женщина ласково дотронулась плеча мальчика; он обернулся на нее. Она кивнула в сторону входа; Поль развернулся в ту сторону.

– Капитан!!! – закричал мальчик и, петляя среди коек, побежал к опекуну.

Офицер тоже не стал стоять и метнулся навстречу. Он отметил, что Поль словно вырос. Хотя прошло только три месяца, казалось, минуло лет пять. Мальчик казался таким взрослым, совсем не тем несчастным сироткой, который стеснялся говорить. Капитан упал на колени, Поль прыгнул к нему, и они обнялись.

– Я здал! Ты наконец присол! Я верил, сто ты зыв! – мальчик вжимался в офицера, как в родного.

– Я же говорил – я приду! – заревел Лагар.

Несколько медсестер тоже не удержали слез, прикрывая глаза платками. Довольно долго они обнимались, не находя места от радости. После долгожданного воссоединения Лагар повел Поля в пятую роту. К сожалению, от того состава, в котором ее знал мальчик, осталось не более пятой части. Тем не менее помнящие осиротевшего дарлеоновца с улыбками встретили его.

И Прохус прослезился, крепко обнимаясь с Полем. Лейтенант Дерагор сделал вид, что ему все равно, стараясь нахмуриться в недовольстве. Но было отчетливо заметно: даже Дерагор был рад этой встрече.

– Я скутял! – объявил всем ребенок.

– Как же ты вымахал! Скоро сам солдатом станешь! – растрепывая волосы Полю, говорил Прохус.

Остальные торжественно посмеялись.

– Мы то, как скучали. – Заявлял капитан. – Теперь уж точно сможем быть вместе!

– Пойдем к Йувитю?

– Увы, не получится. – Лагар чуточку взгрустнул.

– Он погиб, да?! – у Поля чуть не рухнул мир из-под ног.

– Типун тебе на язык! – усмехнулся Прохус. – Живой он. Просто перевели служить в Шапривию. Бедолага поди потом истекает каждый день.

Пехотинцы снова посмеялись.

– Ну что, Поль? – обратился Лагар. – Лучше расскажи: как у тебя проходили эти месяцы? Не обижали тебя дамочки?

– Нет. Все было хоросо. Меня утили всяким стукам.

– Каким?

– Ну-уу-у... всяким... там... – растерялся Поль, не зная, о чем рассказать. – Ну титал я и писал тють-тють.

– Молодец! А меня научишь? – спросил Прохус.

– Сто?! – со смехом изумился мальчик. – Ты такой больсой и не умеес?

– Неа. Не умею. У нас вот только господин капитан чтец да писатель!

В этот момент капитана отвлекли. Штабной адъютант передал распоряжение, что Лагару и его людям следует усилить конвойный взвод, ведущий пленных дарлеоновских солдат.

Бойкотировать подобный приказ было никак нельзя. Поэтому рота отправилась на передовую, встречать колонну пленников. И лишь по пути Лагар вспомнил, что там может оказаться отец Поля. Внутри родилась дилемма: правильнее было отдать мальчика настоящему родителю; или оставить при себе и опять подвергнуть опасности даже в лазарете, ведь наступление набирало бешенные темпы.

По пути Прохус как-то странно мотал головой.

– В чем дело? – волнительно спросил Лагар.

– Чуйка, господин капитан. – Тревожно сообщил солдат.

Лагар задумчиво напрягся, но приказ был приказ, а мальчика отсылать не хотелось. Пятая рота присоединилась к конвоированию. Капитан и Поль стояли, провожая сотни дарлеоновских солдат. Это был первый и единственный случай в войне, когда сдалось больше тысячи имперцев.

Вдруг поникшие солдаты льва стали себя как-то странно вести. Они глядели на Поля, показывая на него руками, и активно перешептывались, бурно что-то обсуждая. Вскоре они начали толкаться. Элетарцы собрались было утихомиривать пленных. Но из колонны вытолкнули мужчину с точно таким же лицом, как у Поля. Это был вылитой Поль, только в теле взрослого мужчины.

– Поль?! – глядя на ребенка, обалдел дарлеоновский солдат.

– Папа! Папа! – мальчик бросился к отцу.

Тот, споткнувшись, побежал к сыну. Солдат схватил мальчика и поднял высоко над собой и начал кружить.

– Папа! – продолжал радоваться мальчик.

Лагар смотрел на это с удовлетворением. Хоть он и пробыл с Полем всего-то три дня и сам разошелся с ним, все равно ощущалось, что он справился. В тот момент офицер не питал ощущений, как он думал, что будет противоречить и удерживать Поля.

Было ясно, как день, что сын и отец нашли друг друга, и все остальное, словно потеряло значение. Эта разрушающая война, казалось, уничтожит все, разрушит каждую семью. Хоть Поль и потерял маму, он все же не остался сиротой. Его отец уцелел в жестоких боях. Лагар взглянул в светлое небо, оно словно улыбалось солнечными лучами в ответ. «Спасибо!» – тихо шепнул капитан.

Затем он подошел к радующимся дарлеоновцам. Отдавая честь, Лагар представился и спросил:

– Капитан Лагар. А как Ваше имя?

– Хельмут. – Отдал честь солдат. – Хельмут Ривтиц. – Затем, теряясь в словах, заикаясь, поинтересовался: – Как? Как мой сынок оказался с Вами? А где его мама... моя жена?

– Выжженная земля Вильгельма... – скорбно ответил капитан. – Но я не объяснял... правды. Не смог. – Вздохнул он.

Дарлеоновец помрачнел с осознанием. Он хотел разразиться горьким рыданием, но как-то проглотил это ради сына.

– Мы сделали, что могли... спасли, кого могли. – Печально сообщал офицер. – Его пришлось приютить.

– Спасибо... спасибо Вам, Ваше превосходство капитан! Что теперь будет?

– Ну... мне и моим людям очень понравился Поль. Но ему место рядом с Вами.

– Но как он будет в лагере со мной? Ему наверняка удобнее с Вами! – говорил Хельмут, но в голосе его проскакивали нотки несогласия с собой же.

– Для Вас война окончена. А нам впереди еще половина вашей империи. Наступление продолжается. Я отправлю пару писем знакомым, они подсуеются, чтобы пребывание Поля в лагере военнопленных не было плохим или дурным. К тому же Вы все, что осталось друг у друга. Я не возьму на совесть груз разлучать Вас. – Последние слова обливала кровью страдающее сердце офицера. Но он точно знал: так правильно.

– Мы, сто? Больше не встретимся?! – Поль подергал за рукав капитана.

Офицер опустил на одно колено. Он ласково улыбнулся и провел рукой по голове мальчика, переведя ладонь на плечо.

– Встретимся...

– Мы ээ только снова встретились!

– Да. Но это твой папа – тебе правильнее быть с ним. А я иногда буду проводить вас.

– Ты так в прошлый раз говорил! – слезливо обвинял Поль.

– Знаю... знаю... не могу сказать, что сейчас будет иначе. Но я очень постараюсь, а теперь войне уж точно конец – еще немного!

– Но я не хотю без тебя! Но и с папой хотю остаца! – Поль разревелся, потирая кулачками глазки.

Хельмут молча наблюдал. Он хотел бы что-то сказать, но не находил нужных слов, да и боялся сказать лишнего элетарскому военному. Лагар тоже не совсем знал, чем отвечать расстроенному мальчику. Пришлось говорить хоть что-то на ходу:

– Поль, послушай меня... я счастлив, что мы познакомились. Нам вместе было хорошо и весело. Но я не тот, у кого ты должен оставаться на попечении. – Лагар указал на Хельмута. – Это твой папа, и тебе надо оставаться с ним. Но ты и я непременно сохраним дружбу. Мы будем отличными друзьями и будем видеться.

– Обесяес?

– Слово офицера. А элетарские офицеры слов на ветер не бросают. Сказал, значит сдержу!

Поль посмотрел на отца. Тот поджал губы и осмелился высказаться:

– Он прав... то есть Его превосходство капитан прав. Сынок, я твоя семья. В холодные, мерзлые, мокрые ночи я думал: зачем я боролся? И я каждый раз, уже почти опускал руки, но вспоминал – у меня есть маленький ангелочек, который держит меня, ради которого держусь я. И никакая катастрофа этого у меня не отнимет так легко, как она пыталась.

Все, кто слышал дарлеоновца глубоко задумались. Особенно те солдаты, кто были сами отцами и даже дедами. Его слова были так просты, но забирались в самую душу, помогая осознать то, что не всегда получалось осознать самому. Хельмут продолжал:

– Мы с тобой наконец будем вместе в мире и спокойствии. А твой новый друг обязательно будет приходить к нам в гости!

– Капитан, – обратился мальчик, – спасибо, что не говорили мне правду о маме. – Вдруг выдал Поль, и поток его слез увеличился.

Лагар даже знать не хотел: откуда и как ребенок это понял; подозревал, что все стало само собой понятным еще в лазарете, где сестры могли разъяснить все куда лучше.

– Мне очень жаль. – Офицер сжал ладонь крепче на плече мальчика.

На этот раз не сдержался Хельмут.

– А я ее так любил! – он вдавил левую ладонь в лицо и горько зарыдал.

Капитан поднялся и поддерживающе обнял дарлеоновца, увлекая к этому делу Поля. Немыслимое зрелище предстало пред всеми. Элетарский офицер и дарлеоновский солдат обнимались. Бог войны мог биться в конвульсиях с пеной у рта, но он ничего не мог поделать с человечностью, что все еще, после всех испытаний, ютилась в людских сердцах.

– Ну будет... будет... – успокаивал Лагар.

– Уже не будет! – сопливо отвечал Хельмут.

Тут подошел Прохус. Он что-то протянул дарлеоновцу.

– Она умерла у меня на руках. Но просила передать сыну вот это. Я совсем запамятовал... стар уже, но вот она сохранилась у меня. – В руке солдата была серебряная брошка в форме божьей коровки с четырьмя мелкими рубинами.

– Это был мой подарок ей на свадьбу. Спасибо, уважаемый. Спасибо! – Хельмут любезно принял брошку.

– Что ж... довольно сопли разводить, – утерев рукавом нос от соплей, проговорил Лагар. – Пора.

– Мы тотью увидимся? – допытывался Поль, не веря офицеру.

Лагар снова опустился на одно колено и протянул руку мальчику.

– Точно. – Сказал он. – Мы не прощаемся, а говорим лишь: до свидания!

– До свидания. – Сказал Поль и пожал руку капитана.

Рукопожатие было крепким, вопреки маленькой ладошке в большой ладони.

– Спасибо Вам, Ваше превосходство капитан! Спасибо! – благодарил Хельмут.

Попрощавшись со спасителем сына, солдат поднял ребенка на руки, счастливо посмотрел на него и вернулся в шагающую колонну пленных.

– Эх... жаль все-таки. – Высказался Прохус.

– И мне жаль. – Поджигая папиросу отреагировал капитан.

– Славный парнишка. Надеюсь, мы и вправду его еще увидим.

У Лагара на душе было полное умиротворение – он все сделал правильно и исполнил долг, возложенный на него в Мейбауме. Однако внутри все равно хронически засело опустошение. Ведь они только увиделись снова.

Капитан долго смотрел вслед отдаляющимся. Вдруг Польш обернулся и помахал на прощание. Лагар и Прохус помахали в ответ.

– Зато теперь, господин капитан, будет повод своих завести! – отшутился солдат.

Лагар, сам того не ожидая, громко рассмеялся. В этом же приступе смеха сказал:

– Кого люблю я, не любит меня... вероятно, она даже не помнит меня.

– Вздор, господин капитан. Вокруг полно славных девиц. Взять даже Анну из медсестер.

– А вот сватать меня не надо. – Капитан резко стал серьезным.

– Виноват.

Когда колонна прошла, офицер решил зайти в лазарет. Там Ирва его пригласила за шторку, за которой было личное пространство медперсонала. В тот момент старшая медсестра и Лагар были там одни. Ирва поставила два стакана на стол и достала бутылку водки. Не медицинский спирт, а настоящую водку. Лагар почему-то смотрел на это естественно. Ирва разлила водку и взялась за стакан.

– За Вас! За достойного мужчину! – Произнесла тост она.

– Я бы хотел поспорить, но я уважаю Ваше мнение, не стану спорить... благодарю.
– Скромничал офицер.

– Поверьте, господин капитан, на протяжении четверти века я повидала просто невероятное количество мужчин. Просто кучу. Я знаю, что говорю, просто так хвалить не стану... Вы меня знаете.

Капитан выпил весь стакан почти залпом. Этого жгучего пойла как раз не хватало именно в тот момент. Напиться не хотелось, но чем-то надо было унять мелкие скучания по Полю. Алкоголь отлично размыл эти мысли. Далее Лагар взял папиросу, сунул в рот, но Ирва вырвала ее.

– Извините, – бросила она, – у меня тут немало раненных после газовой атаки. Прошу Вас не здесь.

– Простите. – Отозвался капитан и потер нижнюю губу о верхние зубы.

– До меня довольно быстро дошел рассказик о том, как прошло конвоирование пленных.

Лагар почему-то застыдился и спрятал глаза.

– Напрасно так реагируете, господин капитан. – Ирва положила руку на колено офицера. Она говорила теплым и заботливым голосом. По крайней мере так ее слышал Лагар; на самом же деле голос тот был едва ли не переполнен влюбленностью. – Когда Вы отдали его нам – Вы поступили правильно. Вы подумали о безопасности ребенка, как видите он совершенно цел и здоров. Но сегодня Ваш поступок был не просто правильным, он был самым разумным в силу единственного варианта. Папа и сын на фоне всех трагедий – это много стоит. И не мне Вам говорить о ценности семейных уз в этом хаосе.

Капитан еще больше приуныл. Ирва продолжала:

– Теперь войне уж точно конец. И тогда отыщите Поля и его отца. И все будет замечательно. Рано или поздно раны затянутся и душевные, и телесные. Время правда лечит, помяните мое слово. Родина наша воспрянет, и все вернется на круги своя.

Лагар взял бутылку, налил себе еще полстакана и тут же выпил.

– Спасибо Вам, Ирва. Кажется, никто и никогда мне за всю жизнь не говорил столько хорошего, сколько Вы сейчас. Вы очень душевная женщина.

Глаза медсестры так смотрели на Лагара, как любой мужчина мечтает, чтобы на него так смотрела женщина. Этот взгляд олицетворял: восхищение, преданность, любовь. Лагар встал, поднялась и Ирва. Он действительно не заметил отношения к себе, или не хотел этого делать.

– Еще раз сердечно благодарю. – Капитан поправил фуражку, одернул китель и собрался выходить.

– Господин капитан! – волнительно окликнула женщина.

Офицер обернулся, улыбаясь.

– Будьте бдительны и берегите себя!

– Непременно. И Вы... да помогут Вам боги и богини!

Ирва осталась в помещении, затаив дыхание и ругая себя, что не решилась сказать больше. На войне такие слова имели особую ценность и их нельзя было вот так просто держать за зубами. Она это понимала, но все же не дерзнула.

А капитан Лагар так никогда и не узнает, что для старшей медсестры он был не просто офицером армии, а тем самым Мужчиной.

Закурив очередную медленно отравляющую папиросу, Лагар направился в расположение своей роты, которая вот-вот должна была вернуться после конвоирования. На душе больше не было переживаний: как там Поль, ведь теперь он гарантированно был в безопасности. Спустя три месяца можно было целиком сосредоточиться на долге.

Впереди было важнейшее наступление. Где требовались трезвость ума, свежесть разума и отвага без всякой смуты на сердце. На носу была операция «Визнус».

Глава 6

Четырнадцатая Граллстернская дивизия была одной из ключевых при прорыве в Лёвусс, участвуя в операции «Визнус». В состав этой дивизии входила пятая рота Лагара. Яростный штурм элетарцев с перебойным успехом железной стеной сдерживался отважными защитниками города. Дарлеоновцы так просто не сдавались, стоя до самой смерти, не уступая ни одного квадратного метра. А на те части поселения, которые уже было не отбить, имперцы использовали тактику своего бывшего командующего Вильгельма – выжженная земля. Остатки дарлеоновской артиллерии били по собственному городу, не жалея: ни врага, ни снарядов, ни зданий, ни своих соотечественников.

Пятая рота с боями прорывалась к северо-востоку города через промышленный район. Однако у складов металлургического завода продвижение элетарцев было остановлено артиллерией защитников. Также на территорию завода врывались имперские резервы.

– Бросок по моей команде! – приказывал Лагар, пока рота укрывалась за ящиками, стенами и повозками от пулеметного огня.

Солдаты замерли. Не впервой им было штурмовать огневую позицию, но каждый раз было страшно, как в первый. Дарлеоновец за пулеметом стрелял довольно метко для скорострельника. Свинцовые пули, как бешенные пчелы, устремлялись к своим жертвам. Когда пулемет умолк для перезарядки, Лагар заорал:

– В штыковую! За Королеву!

Пехота вылезла из укрытий и понеслась на врага с гулом собственных криков. Пока пулемет перезаряжался, другие дарлеоновцы открыли огонь из винтовок. Это не послужило преградой вошедшим в боевой азарт элетарцам. К их счастью, перезаряженный пулемет заклинило, иначе бы половину роты скосило в лобовой атаке, как коса сносит высокую траву.

Со всей жестокостью воины дракона вгрызлись в позиции защитников. Завязался кровавый ближний бой. Лагар сходу рубанул саблей по лицу ближайшего имперца. Но тут сбоку напал другой. Капитан отбил саблей направленную на него винтовку со штыком с такой силой, что у обоих оружие выпало из рук. Мгновенно соперники сцепились голыми руками. Офицер сумел завалить пехотинца на спину и стал душить. Дарлеоновец сумел ударами по ребрам остановить удушье. Тогда капитан схватил кусок кирпича поблизости и принялся им бить в лицо имперцу. Лагар нанес пять ударов, размозжив голову соперника. Рукавом грязного и потрепанного кителя капитан вытер брызги вражьей крови с лица, поднялся, схватил саблю и продолжил бой.

Следующим Лагар схлестнулся с дарлеоновским офицером. Со скрипящим звоном сталь элетарской сабли ударила об железо дарлеоновского палаша. Но в таком бою фехтовать было некогда. Один из имперцев выстрелил в Лагара. Шальная пуля

прошла на вылет через левую ладонь. В боевой ярости капитан не почувствовал ранения и продолжил схватку.

Но она была быстро прервана. На завод полетели снаряды, без разбора убивающие всех. Прямо в гущу схватки за пулеметный расчет упал снаряд и взрывом выкосил почти всех, разбросав людей в стороны. Небольшие остатки дарлеоновцев погибли. Элетарцев раскидало в разные стороны. Та часть роты, которая сражалась рядом с Лагаром, практически перестала существовать.

Первым в себя пришел Дерагор. В его ушах звенело так, что хотелось умереть. В глазах слегка двоилось. Осевшая гарь на лице щипала кожу. Прямо напротив лейтенанта лежал старый солдат.

– Прохус. Прохус. – Говорил Дерагор, дергая рядового за плечо.

Глаза старика были закрыты навсегда. Опираясь на винтовку, Дерагор с трудом поднял свое тело, изнывающее от нескольких переломов, полученных при падении от откидывания. Младший офицер осмотрелся. Все лежали, как во сне. Словно сиюминутно объявили отбой, и все с радостью свалились с ног. Но животы в дыхании не двигались. Смерть настигла и пятую роту спустя столько месяцев войны.

Дерагор стал растерянно бродить, ища хоть кого-то уцелевшего. И он нашел. Придавленный дарлеоновским офицером лежал Лагар. Он отчаянно пытался столкнуть с себя труп. Дерагор упал на колени к командиру и помог ему.

– Вы живы... хвала всевышним. – Возрадовался капитан. – Что-то ноги онемели!
– заметил старший офицер и попытался нащупать их.

– У Вас их нет. – Сообщил Дерагор.

Лагар приподнял голову и выдавил из себя:

– Точно... вот горе...

Из-за шокового состояния, к своему счастью, старший офицер не ощущал мучительно-убивающей боли. Лейтенант взял командира за руки, с большим трудом поднял, закинув себе на спину, как рюкзак. Прихрамывая на сломанную правую ногу, со стонуще-режущей болью в колене, лейтенант тащил на себе раненого.

В этот момент к складам выбежали передовые взводы дарлеоновских резервов. Они тут же открыли огонь по уцелевшим элетарцам. Дерагор отпрыгнул за перевернутую взрывом повозку, скинув с себя командира.

Лейтенант обреченно изъясил из кобуры револьвер. Приподнялся и стал отстреливаться. А враг подступал, стреляя в ответ. Патроны кончились. Дерагор сел обратно, рядом с лежащим, умирающим Лагаром, и стал перезаряжать барабан пистолета.

– Дайте револьвер мне. Я прикрою Вас. Вдвоем мы не спасемся, в одиночку Вы сбежите! – хрипел капитан.

– Хах! – усмехнулся Дерагор. – Как воевать так вместе, как погибать так врознь?! Увольте, господин капитан! Мы сюда вместе пришли, вместе и уйдем – либо в чертог всевышних, либо в госпиталь.

Лагар посмеялся и протянул руку; Дерагор ответил на рукопожатие со всем уважением. Из его глаз потекли слезы, умывая черное лицо. Капитан вспоминал Поля. Теми немногочисленными днями, проведенными вместе, капитан очень сильно дорожил. А теперь понимал: не бывать этому больше. «Весьма предсказуемый конец... Прощай, дружище, маленький Поль!» – говорил про себя Лагар.

Дерагор поднялся и снова отстреливался. Опустошив и этот барабан, Дерагор сел ровно, заявив:

– Все.

Лагар закрыл глаза. «Конец»

Но тут прозвучал спасительный хор: «Tuza Gralitta!» Со складов, под гордо реющими красными вымпелами с золотым грифоном, вступала в бой «Конкордия». Серые воины, также неся потери от артобстрела, полезли в штыковую, отбрасывая защитников.

К уцелевшим элетарцам подбежали два санитары. Лагар посмотрел: кто его трогал. Он увидел дьявольские желтые глаза. «Или еще конец», – подумал про себя капитан и потерял сознание. Только через несколько дней герой войны пришел в чувства, окруженный медперсоналом и белой палатой столичного госпиталя.

Дерагор был повышен до капитана, заняв место своего бывшего командира, и дошел до конца войны, получив медали за взятие Лёвенберга. А сержант Вервус через год был арестован за организацию покушения на Королеву и приговорен к повешению. Однако за заслуги во время войны ему предоставили выбор: замена приговора на расстрел или пожизненную каторгу; Вервус выбрал первое.

Война для Лагара закончилась. А вскоре она кончится для всего континента. В силу своей травмы капитан был демобилизован и стал инвалидом. Однако это не помешало получить ему в награду три ордена и удостоиться почетного статуса. Ближе к концу войны Королева Гралитта учредила особый статус для дворян-офицеров: офицер Королевы. Этот статус давал значительные набавки к пенсии или инвалидному пособию, а присуждался за отвагу, героизм и мужество на войне. Про командира пятой роты, оберегающего ребенка, дошли рассказы и до драконорожденной правительницы Элетарии. Особенно это тронуло ее материнские чувства.

Она не помнила Лагара, как одного из своих первых половых партнеров, но запомнила его настоящим мужчиной, не предавшим честь в эти кошмарные времена. Поэтому имя командира пятой роты увековечилось в архивах королевства среди десятков тысяч имен других офицеров и солдат.

И пока стоит Элетария, будет жить память о герое. Герое, не позволившему судьболломающему конфликту погубить невинного ребенка. У будущих поколений будет память о Лагаре. Память... о Капитане Её Светлости.

Эпилог

Из воспоминаний элетарского офицера о конце войны с Дарлеоном.

«Никто не мог подумать, что победа будет пахнуть порохом, а на вкус она будет, как кровь. Все наши ожидания перед войной казались мне вздором тупых юнцов. После пройденного я готов был избить того, кто радовался бы началу конфликта. Болезни, окопные крысы и вши, гибель десятков, сотен, тысяч храбрых мужчин, которым это вообще было не нужно – эта жуть навсегда останется в моем сердце. Это был не кошмар, от которого можно уйти, просто проснувшись. Это была ужасающая катастрофа современности, которая своей реальностью преследовала каждого, а когда догоняла: рушила судьбу, для большинства фатально.

Мне стыдно, что я уже не могу припомнить имена всех, с кем преломлял хлеб, ведь столько погибало чуть ли не ежедневно. В лихих атаках за нашу родину я терял друзей, товарищей, знакомых.

Парады, которые обещали быть красивыми в самом начале, на самом деле были скорбным шествием под строевые марши. Отправившись в чертоги всевышних мы воздали почести как могли, но понимали – не хватит во всем мире цветов и провожающих залпов в небо, чтобы хоть капельку почтить павших – их подвиг заслуживал большего.

Не все уцелевшие были рады тому, что выжили. Инвалидность многих оставляла совершенно ненужными обществу и беспомощными, обреченными на одиночество.

Больнее всего было смотреть на рыдающих матерей. Кроме имен сыновей у них ничего не осталось. Это было до невозможности больно. Однажды, по возвращению в Элетар, меня спросила женщина лет пятидесяти: не знаю ли я о ее сыне хоть что-то. Она назвала его имя и показала фотокарточку, на которой был еще совсем юный мальчик лет шестнадцати. Я хотел соврать, что ничего не знаю, но совесть пнула меня, что эта женщина должна знать правду. Я ответил: «Он погиб, закрыв собой пулемет», – после этих слов я сам хотел умереть. Никогда бы не подумал, что кто-то может так сильно плакать и изливать столько горя, как та женщина.

Во время службы были веселые, забавные и курьезные случаи, но их не хотелось даже припоминать в течении нескольких лет. А красота победы была омрачена ее ценой. Мы столько и столько потеряли. Еще месяцев шесть мне снилась грязь, которая породнилась с нами. И до сих пор – до самой старости, я не могу выкинуть из своих глаз изредка всплывающее изображение моего ранения. А в ушах по сей день слышатся стрельба и грохот.

Я не знаю, что было в далеком прошлом на протяжении всех тысяч лет, но думалось мне, что подобного ада мир еще не переживал. И кто бы мог подумать, что это произошло не в последний раз. Как выяснилось впереди был еще «адский ад адского ада». О, человечество, почему ты такое?»